

Сусанна Энвер-къызы (Джемилева)

**КЪЫРЫМ АКЪКЪЫНДА
МАСАЛ ИКЪЯЕЛЕРИ**

Урие Кадырованынъ тержимеси

**СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ
О КРЫМЕ**

Рессам Зарема Джемилева

Сусанна Энвер-кызы (Джемилева)

КЪЫРЫМ АКЪКЪЫНДА МАСАЛ ИКЪЯЕЛЕРИ

Урие Кадырованынъ тержимеси

Кириш сёз ерине

Мен бала экенде, къартанамнынъ кучюк тенеке сандычыгъы олгъаныны хатырлайым. Шу мавы-зумрют ренклерге боялангъан къутучыкънынъ устю тыпкъы балабан сандыкъларда киби, дёгме кошечиклеринен яраштырылгъан эди. Шу кошечиклер, ве базы дигер ерлери де тунч боянен боялангъан олса керек. Амма вакъытнен боя силинип, боз мадени корюнип къалгъан ерлери таз баш киби йылтырап турмакъта эдилер. Сандычыкънынъ джемиданлардакине бенъзеген сапы ве озю къапангъан килити бар эди. Къартанам о къутучыкъта козлюклерни ве насылдыр кягъытларны сакълай эди. Сонъра сандычыкъ кыыз къардашымнен манъа оюнджакъ оларакъ къалды. Биз анда озюмиз тиккен къокъла урбаларыны сакълай эдик.

Къартанам икье эткенине коре бу сандычыкъ Кефеде ерлешкен ве онынъ бабасына айт олгъан кучюк тюкяннынъ эшьясы экен. Къартбабамнынъ бабасы Отуз коюнде яшагъан, андан Кефеге къадар, аман-аман, 30 км ёлу бар экен. 100 йыл эвель бу къадар ёлны кечмек пек те къолай иш олмагъан. Къартбабам бойле тенеке сандычыкъларына къаве ве шекер къойып, оларны тюкяннынъ бештахтасында сата экен.

Сандычыкъ бир эллерден башкъа эллерге, бир эвден башкъа эвге кечип, чокътан джоюлгъан. Амма меним бала хатыраларым бу эшьянынъ ачыкъ-айдын сыфатыны сакълайлар, тасавурымда исе къартанамнынъ къутучыгъы тылсымлы сандычыкъкъа чевириле...

Сусанна Энвер-къызы (Джемилева)

СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ О КРЫМЕ

Вместо предисловия

Когда я была ребенком, у моей къартана (бабушки) был небольшой жестяной сундучок, выкрашенный сине-изумрудными полосками, с декоративными выпуклостями, изображающими уголки-ковки, как у больших деревянных сундуков. Эти выпуклости, а также другие мелкие детали, были покрыты бронзовой краской, стершейся со временем так, что местами сундучок сиял серой металлической лысинкой. Крышка на сундучке имела самозащелкивающийся замочек и чемоданную ручку. Къартана держала в нем очки и какие-то бумаги. А потом сундучок достался мне с сестренкой в качестве игрушки, и мы хранили в нем кукольную одежду, которую сами же и шили.

Как рассказывала къартана, этот сундучок был предметом утвари небольшого магазинчика, который принадлежал ее отцу и находился в Кефе (Феодосии). Мой прадед жил он в селе Отуз, и до Кефе нужно было добираться почти 30 км. 100 лет назад это было не таким уж простым делом. В таких жестяных сундучках дед выставлял кофе и сахар на прилавки своего магазинчика.

Сундучок давно пропал из виду, переходя из одних рук в другие, из одного дома в другой. Но мои детские воспоминания хранят четкое изображение этой вещицы, и воображение рисует разные картины, где вдруг бабушкин сундучок превращается в волшебный...

Рессам Зарема Джемилева

Тылсымлы сандычыкъ акъкъында масал

Къырымнынъ бир коюнде, пек дюльбер дагъ вадийинде мераметли, ишкир, амма фукъаре Абдулла адлы инсан яшай экен. Абдулла агъа омюр аркъадашынен берабер багъчасы олгъан кучюк бир эвде отургъан. Олар шу багъчанынъ мейваларынен кечине экенлер. Багъчанынъ мейвалары бутюн дагъ вадийи ичинде энъ татлы ве леззетли олып, Кефе шеэри базарларында яхшы сатылгъан. Бутюн койлюлер къувансын, багъчадан кечкен чокъракъ суву тазе ве леззетли олсун деп, чокъракъ эр вакъыт темизлене экен. Халкъынынъ урф-адетлерини кутъкени ве чокъракъны даима темиз туткъаны ичюн Абдулла агъаны эр кес урьмет эткен.

Кунылернинъ биринде Абдулла агъа багъчасында раатланмакъ ичюн отургъан. Бу там язнынъ башы, киразлар энди-энди шырасына толгъан вакъыт экен. Бахчиван адий уйлелигини – бир тилим отъмек иле чокъракъ сувуны ичмеге азырлагъан. О эвлеринде ашаладжакъ шей къалмагъаны, мейвалар исе даа якъын вакъытта пишмейджеги акъкъында тюшюнип къалгъан. Демек ки, о ве омюр аркъадашы белли бир вакъыт ач къаладжакълар. Абдулла агъа отъмек парчасысы агъызына къояджакъта, чокъракъ янында тюбю тешик эски тенеке мешребенен сув алмагъа тырышкъан, таныш олмагъан факъыр къартийни корьген. О бирден аякъкъа сычрап тургъан ве къартийнинъ янына барып, селямлашкъан, буюкке сайгъы косътерип, элини алгъан, о ач олып олмагъаныны сорап, онъа элиндеки отъмекни узаткъан. Къартий теклиф этильген отъмекке севинип, оны авесликнен ашагъан. Абдулла агъа онъа тазе чокъракъ сувунен толдурылгъан гугюмини де узаткъан. Къартий сонъ тамлагъа къадар сувны ичип битирген, амма гугюмни къайтараджакъта, оны элинден тюшюрген. Гугюм чокъракъ ташына урулып, дарма-дагъын парчалангъан. Бахчиван кедерленген, чюнки бу гугюм онынъ той эдиеси олып, омюр аркъадашы тарафындан анъаневий орьнеклернен безетильген экен. Амма о къарт инсангъа сайгъылы олып, кедерини косътермемеге тырышкъан. Артыкъ, акъшам вакъыты якъынлашкъан экен ве Абдулла къартийге багъчадан чыкъма ёлуны тапмагъа, я да онынъ эвинде геджелемеге теклиф эткен. Факъыр къадын разы олып, Абдулла агъанынъ омузына таянаракъ онынъ эвине ёл алгъан.

Бахчиваннынъ рефикъасы кирли ве йыртыкъ урбалы факъыр къадынъа пек те къуванмагъан. Амма омюр аркъадашынынъ серт бакъышыны корип, къартийни йымшакъ ястыкъларгъа отурткъан, оджакъ янына чапып, бекленильмеген мусафир ичюн софра азырламагъа аджеле эткен. Къадын эвде не бар исе, эр шейни софрагъа къойгъан. Софра не къадар саде донатылса биле, факъыр къадын онъа пек къувангъан ве тезден акъшам ашындан ич бир шей къалмагъанды. Чайнынъ вакъыты кельгенде эв бикеси чай кетирип, сонъки шекер кесечигини сакълагъан. Абдулла агъа мусафирге чай янына татлы бир шей къойып оламагъанына шашкъан ве омюр аркъадашындан шекер акъкъында сорагъан... Къадын утанып, козьлерини сакълагъан..., юзюни эллеринен къапаткъан, амма сонъра оглюгининъ джебинден шекер кесечигини чыкъаргъан. Къартий оны ашамагъан ве чокъракъ янына кельгенде янында олгъан торбасыны кетирмеге риджа эткен. Бахчиван чувалны кетирген сонъ, къартий ичинден кучюк тенеке сандычыкъны чыкъарып, оны агъламакътан козьлери къырмызы олгъан эв бикесине узаткъан.

– Фукъарелигинден утанма, ханым, – къарыкъ сеснен айткъан къартий. – Сен мераметли ве алидженапсынъ, сен озь омюр аркъадашынынъ севи, урьмет этесинъ, онынъ сёзюни динълейсинъ, адетлеримизни кутесинъ. Бу сандычыкъны бахшыш оларакъ къабул эт.

– Эгер бу сандычыкъта сакълайджакъ шейим олмаса, о манъа неге керек? – айретликнен сорагъан эв бикеси.

Къартий о сонъки шекер кесечиги алып, оны сандычыкъкъа къойгъан ве кулюмсиреген.

– Мен пек болдурдым, – эв бикесине айткъан къартий. – Эгер манъа юкълайджагъым ерни косътерсенъ, санъа пек миннетдар олурым.

Эв ханымы кийиз ёргъанны оджакъ янында тёшеген. Бу да бекленильмеген мусафирге юкъу ичюн энъ яхшы ер экен.

Эв саиплери саба уянгъанда гедже мусафири энди кеткенини корьгенлер. Кийиз ёргъан оджакъ янында букленген, къапы янында тургъан таякъ ве чувал да ёкъ экен. Тек софрада къартийнинъ бахшышы – тенеке сандычыкъ къалгъан. Сандычыкъ эски, устю бираз ипрангъан мавы ве зумрут тюслерине боялангъан. Шу мавы-зумрют ренклерге

боялангъан къутучыкънынъ устю дѣгме кошечиклеринен яраштырылгъан. Бир заманлары шу кошечиклер ве базы дигер ерлери де тунч боянен боялангъан экен. Амма вакъытнен боя силинип, боз мадени корюнип къалгъан ерлери таз баш киби йылтырагъанлар. Анълашылгъанына коре къартий бу сандычыкъны чокътан къулланып кельген, чюнки устюнде заманнынъ изи дююлгъан.

Омюр аркъадашы ичюн сабалыкъкъа ич бир шей олмагъаныны тюшюнип, эв бикеси кедернен сандычыкънынъ кошелерини сыйпагъан. Къартий сандычыкъкъа къойгъан шекер кесечиги акъкъында унуткъандыр деп уютнен сандычыкънынъ къапагъыны ачмагъа истеген. Амма къапакъ ачылмагъан. Къадын тааджипленген ве олгъан кучюнен къапакъны чекмеге башлагъан. Амма кучюк чертме килит ачылмагъан. Къадыннынъ чекишкенини корьген Абдулла агъа сандычыкъны озю ачмагъа тырышкъан ве буны белли бир гъайретлерден сонъ беджерген. Ниает, къапакъ ачылгъан сонъ, – Аман, Аллахым! Сандычыкъ тёпесине къадар шекер толу экен! Къары-къоджа козьлерине инанмагъанлар! Аджеба, къартийнинъ чувалында о къадар шекер бар экенми? Я да бойле этип о мусафирченлик ичюн минетдарлыгъыны бильдирдими?

Бираз вакъыт кечкен сонъ бахчиваннынъ къарысы еринден туруп, шекерни кучюк тепсиге къойгъан ве эвден чапып чыкъкъан. Чокъ вакъыт кечмеден о эвге ун ве сют кетирген. Кулип, къоджасына шекерни бу ашайт малларына денъишкенини анълаткъан. Сонъра оглюк такъып, енълерини котерип, отъмек пиширген, софрагъа сют къойгъан, къоджасына леззетли сабалыкъ азырлагъан. Абдулла агъа багъчадан мейвалар пишип сатылгъанына къадар эвде аш оладжагъына севинип, багъчагъа чалышмагъа кеткен. Амма чокъ вакъыт кечмеден фаркълы махсулатларгъа денъиштирилъген шекер биткен...Кираз исе даа пишмеди, башкъа мейваларнынъ сёзю биле ёкъ.

Эвдеки ашаладжакъ шейлер кене де биткен сонъ, бахчиван софрада къаве дегирменинден насылдыр чекильмейип къалгъан бир къаве данечигини корьген. Терен кокус кечирип, о къаве данечигини къартий эдие эткен сандычыкъкъа атып, къапагъыны къапаткъан. О замандан берли сандычыкъ рафта тургъан, ич кимсе онынъ ичине бакъмагъан.

Берекет топлама вакъыты кельген экен. Кефе базарына сатылыкъ ичюн ёлланыладжакъ мейва толу сепетлер эв ичинде сыраланып,

къоюлгъан. Бахчиван къарысынынъ элинде френк юзюминен толу кучюк сепетчик бар экен. О оны рафтаки сандычыкъ янына къоймагъа ниетленген. Къадын сандычыкъны четке алмагъа тырышкъан, амма о буюк олмаса да, агъыр экен. Френк юзюминен сепетчикни табангъа къойып, эв ханымы себебини огренмеге истеген. Сандычыкъны ачкъанда ичи къаве данелеринен толу олгъаныны корьген! Шу дакъкъасы эвге кирген Абдулла агъа да озь козьлерине инанмагъан.

Шу геджеси къары-къоджа сандычыкъкъа отьмек кесечигини къойгъанлар. Амма ич бир муджизе олмагъан. Невбеттеки гедже олар сандычыкъкъа тавукъ йымыртасыны къойгъан экенлер. Ве кене де ич бир шей олмагъан. Ондан сонъ Абдулла агъа къартий япкъаныны хатырлап, сандычыкъкъа шекер кесечиги къойгъан. Бахчиван ве къарысынынъ къуванчына сандычыкъ сабагъа шекер толгъан!

– Демек ки, сандычыкънынъ тылсымы тек шекер ве къавени чокълаштыра! Амма да къартий, не къадар гузель бахшыш этти! – деп, бахчиван ве омюр аркъадашы бекленильмеген зенгинликке къувангъан экен.

Абдулла агъа эйилик севген бир инсан олгъаны ичюн тылсымлы сандычыкънынъ бахшышларынен бутюн къомшуларнен пайлашкъан экен. Бираздан о Кефе шеэринде къаве ве шекер тюкянчыгъыны ачкъан. Анда эписини къавенен сыйлап, тылсымлы сандычыкъ акъкъында икяени анълата экен. Ич кимсе о икяеге инанмай, амма бахчиваннынъ эйиликсеверлиги о кучюк тюкянгъа чокъ инсанны джелъп эткен экен.

Шекер ве къаве сатылувынен багълы ишлер о къадар яхшы кеткен ки, Абдулла агъа озь койдешлери ичюн джами къурып олгъан. О, чокъракъны да бакъмагъа девам эткен. Багъчасындаки мейвалары айны ойле де пек леззетли экен. Бахчиваннынъ къарысы о мейвалардан ве тылсымлы сандычыкънынъ шекеринден азырлангъан татлы исе кой байрамларында эсас татлылыкъ олгъан.

Бираздан бахчиваннынъ аилесинде учь эвляд – эки къыз ве бир огълан дюньягъа кельген. О даа да бахтлы олып, эр бир дуасында онъа тылсымлы сандычыкъны эдие эткен къартийни анъгъан экен.

Сказка о волшебном сундучке

В одном крымском селе в прекрасной горной долине жил добрый, трудолюбивый, но бедный человек по имени Абдулла. Абдулла-бей жил со своей женой в небольшом домике с садом, плоды которого их кормили. Фрукты из сада были самыми вкусными и сладкими во всей долине, и охотно раскупались на рынках города Кефе. Родник, который проходил через сад был всегда вычищен, чтобы вода в нем была свежей и вкусной на радость всем селянам. Все уважали Абдуллу-бея за то, что он трепетно соблюдал адеты своего народа и содержал родник в должном порядке.

Как-то раз Абдулла-бей присел отдохнуть в саду. Дело было в самом начале лета, когда ягоды черешни только-только набирают сок. Садовник достал свой скромный обед, приготовленный ему женой – кусочек домашнего хлеба, который он собирался съесть, запив водой из родника. Абдулла-бей задумался о том, что в их доме не осталось съестных запасов, а фрукты поспеют еще нескоро, поэтому ему и жене, может, придется некоторое время голодать. Только-только он собрался откусить от хлеба кусочек, как увидел, что у родника стоит неизвестная ему нищая старуха и пытается зачерпнуть воду старой жестяной кружкой, у которой нет дна. Абдулла-бей вскочил на ноги и подошел к пожилой женщине, поздоровался, поцеловал руку в знак уважения к старшему, поинтересовался, не голодна ли она, а также предложил свой кувшинчик для воды. Старуха обрадовалась предложенному хлебу и жадно его съела. Абдулла-бей протянул ей кувшинчик со свежей родниковой водой, старуха проворно выпила воду до последней капли но, возвращая кувшинчик, ненароком уронила его. Кувшинчик разбился на мелкие кусочки о родниковый камень. Абдулла-бей огорчился – этот кувшинчик был свадебным подарком и был расписан традиционными узорами его женой, но постарался не показать вида. Он предложил старушке помочь найти дорогу из сада или даже переночевать у него в доме, так как дело шло к вечеру. Нищенка согласилась и, оперевшись о плечо Абдуллы-бея, поплелась за ним в дом.

Жена садовника не была рада грязной оборванной нищенке, но, поймав строгий взгляд мужа, засуетилась, посадила старушку на мягкие подушки и поспешила к очагу, чтобы приготовить угощение для

неожиданной гостьи. Она выставила на стол все, что было дома. Каким бы скромным ни было угощение, нищенка была рада ему, и вскоре от ужина не осталось и следа. Когда настало время выпить чаю, хозяйка подала чай, но решила припрятать последний кусочек сахара. Абдулла-бей был удивлен, что не может предложить гостье сладкое к чаю и спросил у жены о сахаре... Та стыдливо опустила глаза в пол... , закрыла лицо руками, но потом достала сахар из кармашка фартука. Старушка не стала есть его, а попросила принести мешок, с которым она приплелась к роднику. Когда садовник принес мешок, старушка достала из него небольшой жестяной сундучок и протянула его хозяйке дома, которая сидела с заплаканными красными глазами.

– Не стыдись своей бедности, ханым, – произнесла старушка хриплым голосом. – Ты такая добрая и благородная, ты любишь и уважаешь своего мужа, слушаешься его и следуешь нашим адетам. Прими этот сундучок в подарок.

– К чему мне этот сундучок, если мне нечего в нем хранить? – удивилась хозяйка.

Старушка взяла тот самый последний кусочек сахара, положила его в сундучок и улыбнулась.

– Я очень устала, – обратилась она к хозяйке дома. – Если ты покажешь, где я могу переночевать, я буду тебе так благодарна.

Хозяйка постелила войлочное одеяло у очага, где для неожиданной гостьи было самое лучшее место для сна.

Когда хозяева проснулись по утру, то увидели, что ночная гостья уже ушла. Войлочное одеяло было сложено у очага, и клюка с мешком, что стояли у дверей, тоже не было. На столе стоял лишь подарок от нищенки - жестяной сундучок. Он был старый, немного потертый, выкрашенный в синий и изумрудный цвета, с выпуклостями, похожими на кованые уголки для скрепления поверхностей сундука. Местами сундучок был покрашен бронзовой краской, но краска немного потерлась. Видимо, нищенка давно уже владела тем сундучком, так как время оставило на нем свой след.

Подумав о том, что ей нечем накормить мужа на завтрак, хозяйка с грустным видом погладила бока сундучка и захотела открыть крышку, надеясь, что нищенка забыла о положенном кусочке сахара. Неожиданно крышка сундучка не поддавалась. Женщина удивилась и стала сильнее

тянуть крышку, но небольшой замок-щелчок застопорился. Увидев потуги на лице жены, Абдулла-бей сам решил открыть сундучок, и ему это удалось после некоторых усилий. Когда крышка, наконец, открылась – О, чудо! – сундучок был доверху полон сахаром! Супруги не верили своим глазам. Неужели у старушки в мешке было столько сахара, и она решила отблагодарить за их гостеприимство?!

Через какое-то мгновение, жена садовника вскочила, набрала сахар в маленькую плошку и выбежала из дома. Вскоре она вернулась с мукой и молоком. Смеясь, женщина рассказала мужу, как она выменяла сахар у соседей на эти продукты. Потом надев фартук, засучив рукава, напекла хлеба, налила молока и вкусно накормила мужа. Абдулла-бей пошел работать в сад, радуясь, что теперь до времени, когда он сможет продать плоды из сада будет еда в доме. Но вскоре сахар, обмененный на разные продукты, закончился... А черешня еще не поспела, не говоря о других фруктах... Когда запасы снова иссякли, Абдулла-бей увидел на столе зернышко кофе, которое каким-то образом уцелело от жерновов ручной кофемолки. Вздыхнув, он бросил его в открытый сундучок, подаренный нищенкой, и захлопнул крышку. С тех пор сундучок остался стоять на полке, никто в него не заглядывал.

Подошло время сбора урожая. Корзины, полные фруктов, стояли по всему дому, готовые для отправки в Кефе на продажу на рынке. Маленькая корзиночка с крыжовником была в руках у жены садовника, когда она решила поставить ее на полку рядом с сундучком. Хозяйка пыталась подвинуть сундучок, но он оказался таким тяжелым, несмотря на размер, что ей пришлось поставить корзинку с крыжовником на пол и посмотреть, в чем же причина. Открыв , она увидела его полным кофейных зерен! Зашедший в этот момент в дом, Абдулла-бей не верил своим глазам.

В эту же ночь хозяева положили в сундучок кусочек хлеба. Чуда не случилось. На следующую ночь они положили в него куриное яйцо. И снова ничего не случилось. Тогда Абдулла-бей положил кусочек сахара, вспомнив, как это сделала старушка. К радости садовника и его жены, сундучок утром был полон сахара!

-Так вот он, какой этот сундучок - только сахар и кофейные зерна приумножаются его волшебством. Ай да, нищенка, какой подарок сделала! – радовались Абдулла-бей и его жена неожиданному богатству.

По своей доброте, Абдулла-бей щедро делился дарами волшебного

сундучка со всеми соседями. Вскоре открыл в городе Кефе магазинчик кофе и сахара, где угощал всех кофе и рассказывал историю о волшебном сундучке. Никто не верил в эту историю, но доброта садовника привлекала множество горожан в тот маленький магазинчик.

Дела с продажей сахара и кофе шли так хорошо, что Абдулла-бей смог даже построить мечеть для своих односельчан. Он по-прежнему следил за родником. Фрукты из его сада все также были самыми вкусными. Варенье, приготовленное женой садовника из тех фруктов и сахара из волшебного сундучка, были главным угощением на всех торжествах в этом селе.

Вскоре у садовника и его жены родилось трое детей – две дочки и сын. Садовник зажил еще более счастливо и всегда в своих молитвах вспоминал ту нищенку, которая подарила ему волшебный сундучок.

Рессам Зарема Джемилева

Джезве

Сиз лезетли къаве насыл пиширильмек керек олгъаныны билесинъизми? Къавенинъ юксек кейфиетинден анълагъанлар «Къавенинъ данелери энъ яхшы олмасы керек» деп айтырлар. Инсанлар ичюн этрафымыздаки экология муим олса, олар: «Темиз чокъракъ суву олмакъ керек» деп, айтырлар. Агъыз тадыны бильген инсанлар исе, «Къавеге къаймакъ, тарчин къошунъыз ве янына шекер къоюнъыз» деп айтырлар. «Къыйметли инсанлар ичюн бир кереден пиширильген къаве – энъ лезетли къаведир» деп, айта эди меним къартанам.

Сизге джезве, къаве ве тылсымлы орьнек акъкъында масал икяе этейимми? Айса, динъленъиз.

Чокъ вакъытлар эвель Къырым койлеринден биринде Мустафа адлы мераметли бир инсан яшагъан. Мустафа бейнинъ къавеханеси бар экен. О къавеханеде кой сакинлери бир фильджан къою къаве башында уле ичмек ве кельген туджджар, сейях, къомшу койлернинъ мусафирлеринден чешит икяелерни динълемек ичюн топлашмагъа севген.

Ара-сыра бир де бир туджджар къавеханеде булунгъан бутюн зияретчилерге къаве сымарлай экен. Ойле олгъанда Мустафа бей юксек сеснен невбеттеки къаве фильджаны ичюн пара алынмайджагъыны, амма мусафирлер ичюн къавени сымарлагъан адамнынъ адыны айтмагъан, чюнки зенгинлик ве паранен макътанмакъ – ахлякътан тыш бир арекет сайыла экен. О заманларда урф-адет ойле олгъан.

Къавехане диварлары мусафирлернен берабер пек чокъ чешит икяелер динълеген. Амма олардан бириси пек гузель олып, даима къавеханенинъ зияретчилери тарафындан янъы кельген инсанларгъа ве мусафирлерге анълатыла экен. Сизге де оны динълемеге теклиф этем.

Къырым шеэрлерининъ бирисинде, энъ дюльбер Къара денъизнинъ ялысында Исмаил адлы бир генч яшай экен. Исмаил – «Аллах тарафындан эшитильген» манасына кельген бир аддыр. Балалыкътан Исмаил тенекеджи зенаатыны огрене ве бу ишни о къадар яхшы менимсеген ки, эр кес онъа сайгъынен «уста» деп, айтмагъа башлагъан.

Исмаилнинъ муштериси ве о япкъан шейлернинъ алыджылары пек чокъ экен. Инсанларгъа эв ишлеринде даима тенеке таслар, я да сув ичюн къуманлар керек олгъан. Амма устанынъ энъ мешур малы – Исмаилнинъ кенди эллеринен япкъан джезвелери экен.

Куньлерден бир кунь Исмаил тюшюнде озъ эшьялары ичюн аджайип бир орьнек корьген. О орьнекте серви ве юзюм даллары орьмеленген, ляле ве бадем терегининъ чичеклери хош къокъу сача экен. Бу Къырым топрагъынынъ бааръ гульдестеси янында бульбуль отурып, пек гузель йыр йырлай экен. О заманларда орьнекте олгъан эр бир тимсаль аятнынъ муим къысмыны анълаткъан, амма Исмаил о тимсаллерни окъумагъа истемеген, тек орьнекнинъ аджайип дюльберлигини корьген. Уянгъанынен Исмаил устаханесине чапып, тюшюнде корьген муджизевий адисенинъ ресимини ясамагъа истеген. Уста о тылсымлы орьнекни эр кунь япкъан эшьяларында текрарламагъа чалыша экен. Муштерилер айретленип, уста тарафындан эвельден корюльмеген тас, табакъ ве джезве четлеринде япылгъан орьнеклерининъ дюльберлигини макътаса да, Исмаил кунь куньден даа да кедерли олгъан. Онъа коре орьнеклериндеки бульбуль отьмеген, ляле хош къокъу сачмагъан, серви де ич кимсени охшамагъан. «Корьген муджизени насыл этип текрарламагъа мумкюн?» – бу суаль Исмаилни кунь-куньден даа да чокъ къыйнагъан... Исмаил тюшюнде корьгенлерини аяткъа кечирмеге умютини джойгъанда, шеэрининъ лиманындан Тюркиеге геми кеткенини эшиткен. «Тюркиеде мен, мытлакъкъа, йырлагъан орьнекни демирде оймаламагъа огреткен усталарны расткетиририм», – деп, Исмаил къарар алгъан ве ёлгъа азырланып, ана-бабалары ве садыкъ муштерилеринен сагълыкълашмагъа башлагъан. Эписи онынъ кетмесине пек кедерленген, амма «огъурлы ёллар» айтып, Исмаилнинъ тездже Къырымгъа къайтмасыны тилегенлер.

Тюркиеде Исмаилге усталарнен танышып, ишнинъ чешит инджеликлерине огренмеге къысмет олгъан. Айны вакъытта о тюрк усталарына да озъ бильгилерини акътара экен. Бир йыл кечкенини дуймайып, Исмаил къайтмагъа азырланмагъа башлагъан. «Артыкъ мен даа да меаретли уста олдым, о тылсымлы орьнекни, мытлыкъкъа, текрарлап олурым» – деп, озъ-озюне айткъан уста ве сыджакъ Тюркиедеки къазангъан янъы достларынен сагълыкълашкъан.

Исмаил озь устаханесине къайткъанда, устахане онъа пек оксюз ве бош корюнген – маден устюне чёкюч урмай, оджакъ янмай, дам устюнде тютюн тютемей. Исмаилни корьген бутюн аилеси сокъакъкъа чыкъкъан. Эписи Тюркиедеки аят, анда огренген шейлери акъкъында эшитмеге ве къыдыргъан бильгилерни кетирдими, ёкъмы, деп бильмеге истеген экен. Бутюн сой-соплар зияфет, субет, корюшюв севинчинден болдуруп, юкъламагъа кеткен сонъ Исмаил устаханеге кетип, чалышкъан. Чёкюч сеси чалмагъа, оджакъта исе къуванчнен одунлар кене чытырмагъа башлагъан. Устанынъ эллери исе дюльбер орьнек япкъан... Сабасына эписи устанынъ янъы иджадындан айретлене, амма Исмаил эвелькисинден даа да кедерли олгъан...

Устанынъ устаханесинде япылгъан янъы орьнеклерни бакъкъан адамлар арасында генч бир къыз бар экен. Онынъ ады Гульнар, яни «нар чичеги» манасыныда. О, этрафында хош лялелер ве серви далында отургъан бульбуль орьнегинен оймалангъан джезwege якъындан бакъмагъа истеген, амма инсанлар оны эп аркъагъа итей экенлер. Ниает, о джезwege токъунып олгъан. Шу анъде бу джезwege Исмаил устанынъ пармакълары да тийген. Эки яш инсаннынъ эллер сыджакълыгъы орьнекнинъ индже сынъырларындан акъкъан ве апансыздан джезвенинъ эр бир къысмы, эр бир сызычыгъы, чичеклернинъ эр бир япрачыгъы нур сачмагъа башлагъан. Бу анъде Исмаил, ниает, бульбульнинъ йырыны эшиткен, эр бир ляле ве бадем береги чичегининъ хош къокъусыны, серви пытагъынынъ йымшакълыгъыны, юзюм далынынъ кунешли мамурлыгъыны дуйгъан. Козълерини котерип, Исмаил, дюльбер Гульнарнынъ бакъышынен къаршылашкъан ве, артыкъ сёзлер керек олмагъан, яш юреклер севгинен алевленген. Уста тылсымлы орьнекте онынъ ичюн бир мана сакълы олгъаныны анълагъан. Серви ве ляле – яш огъланлы, юзюм далы ве чичек ачкъан бадем – къызны темсиль эте экен. Бульбульнинъ йыры – бу эки яш юректинъ йыры экен. Гульнар козълерини чекип, келинчик чичегине бенъзеп, къызаргъан ве бирден эвге чапып кеткен. Яшлар арасындаки олгъан бу анъ Исмаил бабасынынъ дикъкъатлы бакъышындан гизли къалмагъан. Ве якъын вакъытта дюльбер къыз Гульнаргъа къудалар ёлланылгъан экен. Къыз нишан бахшышларыны ачкъанда, севги башланмасынынъ себеби олгъан джезвени корьген.

Исмаил ве Гульнарнынъ тою шенъ-шерамет ве зенгин кечкен экен. Бутюн кой уста ве онынъ дюльбер келинине аилевий бахт тилеген. Чокъ

йыллар девамында Гульнар къавени о намлы джезведе пиширген. О къавенинъ къокъусы Къырым еллеринен бутюн этрафкъа яйылып, эвли олмагъан яш огълан ве къызларнынъ юреклерине киргенде, оларгъа бири-бирини тапмагъа ярдым эткен, янъы севги ве янъы аилелерининъ атеши мейдангъа кельмесине себепчи олгъан экен. Эгер бу къокъунен аралары бозулгъан инсанлар нефес алса, олар барышкъан. Базен бу къокъу хаста ве такъатсыз инсаннынъ бурун делигини къытыкълагъан сонъ о инсаннынъ хасталыкънен курешмеге ве тюзельмеге кучю келе экен. Исмаил ве Гульнар узун бахтлы омюр яшагъанлар. Оларнынъ несиллери исе бу вакъыткъа къадар о севгининъ тарихыны къырымтатар орьнеклерининъ икметли тимсаллеринде окъуп олалар.

Джезве

Вы знаете, как приготовить вкусный кофе? Ценители высокого качества скажут: «Нужны отборные зерна кофе». Люди, для которых экология не пустой звук, скажут: «Нужна чистая родниковая вода». Лакомки скажут: «Добавьте каймак (сливки), корицу и подавайте с сахаром». «Самый вкусный кофе, когда он приготовлен одной большой порцией для дорогих гостей», – говорила моя къартана.

А не рассказать ли мне вам сказку про джезве, кофе и волшебный узор? Ну, так слушайте.

Давным-давно в одном крымском селе жил добрый человек по имени Мустафа. Мустафа-бей держал кофейню, в которой любили собираться жители села, чтобы выпить чашечку крепкого кофе, выкурить трубку и послушать разные истории, рассказываемые заезжими купцами, путешественниками и гостями из соседних сел.

Иногда какой-нибудь купец угощал всех присутствующих, и тогда Мустафа-бей громко объявлял о том, что следующая чашечка кофе не требует оплаты, но не называл имени угощавшего человека, потому что хвалиться богатством и деньгами считалось недостойным делом. Такие обычаи были в те времена.

Много разных историй слышали стены кофейни. Но одна из историй была удивительной и часто пересказывалась завсегдатаями кофейни для новичков и гостей. Послушайте ее и вы.

Жил-был в одном крымском городе на берегу самого прекрасного Черного моря молодой человек по имени Исмаил, что значит «услышанный Аллахом». С детства Исмаил учился ремеслу жестянщика и освоил это дело так, что все стали называть его почетным званием уста – мастер.

У Исмаила не было отбоя от заказчиков и покупателей. Всегда кому-то нужны были в хозяйстве тазы (тенеке) или сосуды для воды (къуман), но больше всего славились кофейники-турки (джезве), изготавливаемые Исмаилом-уста.

Как-то раз во сне увидел Исмаил удивительный узор для своих изделий. В нем переплетались ветви кипарисов и лоза винограда, благоухали тюльпаны и цветы миндального дерева. Рядом с этим весенним букетом крымской земли сидел соловей и пел прекрасную песню. В те времена каждый символ в узоре означал важную часть жизни, но Исмаил не хотел вчитываться в эти символы, а лишь видел неопишемую красоту. Проснулся Исмаил и тут же побежал в свою мастерскую, чтобы зарисовать чудесное явление, увиденное во сне. Каждый день он старался повторить волшебный узор на изготавливаемых вещицах. И хотя покупатели удивлялись и хвалили красоту невиданных ранее узоров, нанесенных рукой мастера на бока тазов, подносов и джезве, Исмаил становился все хмурее и хмурее. Не пел соловей на его узорах, не благоухал тюльпан, не ласкал кипарис. «Как повторить увиденное чудо?» – этот вопрос мучил Исмаила с каждым днем сильнее и сильнее...

Однажды, когда Исмаил почти отчаялся воплотить сон в реальность, он услышал о том, что из порта их города уходит корабль в Турцию. «В Турции я наверняка встречу отличных мастеров, которые смогут научить меня, как вычеканить поющий узор», – решил Исмаил и, собравшись в дорогу, стал прощаться со своими родителями и верными покупателями. Все были очень огорчены отъездом, но желали доброго пути – акъ ёл – и чтобы Исмаил поскорее вернулся в Крым.

В Турции Исмаилу повезло познакомиться с мастерами, у которых он научился разным тонкостям дела. Также он учил турецких мастеров тому, что знал сам. Незаметно пролетел год, и засобирався Исмаил в обратную дорогу. «Теперь я стал еще более искусным мастером, я точно смогу повторить тот волшебный узор», – сказал сам себе уста, и

попрощался с новыми друзьями, которых он приобрел в теплой Турции.

Когда Исмаил вернулся к своей мастерской, он увидел, что она выглядит такой осиротелой, такой пустой – не звенит молоточек по металлу, не горит горн, не вьется дымок над крышей. Вся семья Исмаила высыпала на улицу, увидев его. Все хотели услышать истории о жизни в Турции, о том, чему он научился и привез ли он те знания, которые искал. Как только все родные были утомлены угощением, разговорами, счастьем от встречи и ушли спать, Исмаил пошел в мастерскую и стал работать. Снова музыкой зазвучал стук молоточка, снова весело затрещали дрова в топке, а из-под рук мастера выходил красивый узор... На утро все восхищались новым творением уста, но Исмаил был печальнее, чем прежде...

Среди толпы, которая рассматривала новые узоры на изделиях из мастерской ремесленника, была одна молодая девушка. Звали ее Гульнар, что значит цветок граната. Она хотела поближе посмотреть на джезве, на котором был отчеканен соловей на ветке кипариса в окружении благоухающих тюльпанов, но толпа все время теснила ее назад. Наконец ей удалось прикоснуться к джезве. В эту же секунду к этому джезве прикоснулись пальцы уста Исмаила. Тепло рук двух молодых людей побежало по тонким граням узора, и вдруг вспыхнула светом каждая его деталь, каждый лепесток, каждая черточка. И тут Исмаил услышал, наконец, песню соловья, почувствовал благоухание тюльпана и цветка миндального дерева, мягкость кипарисовой ветки, солнечную томность виноградной лозы. Подняв глаза, Исмаил встретился взглядом с красавицей Гульнар. Что и говорить, это была любовь. Мастер понял, что в волшебном узоре было записано послание для него: кипарис и тюльпан означали юношу, а виноградная лоза и цветущий миндаль – девушку. Песня соловья – это песня любви двух молодых сердец. Гульнар опустила глаза, зарделась, как красный мак, и убежала домой.

Этот момент не укрылся от внимательного взора отца Исмаила, и вскоре сваты были посланы к красавице Гульнар. Развернув подарки на

помолвку, девушка увидела тот самый джезве, который стал причиной ее счастья.

Свадьба Исмаила и Гульнар была веселой и богатой, все село желало семейного счастья мастеру и его красавице невесте. Долгие годы Гульнар варила кофе в том заветном джезве. Аромат этого кофе разносился крымскими ветрами по всей округе и вселялся в сердца одиноких юношей и девушек. Этот аромат помогал им найти друг друга, и появлялся новый огонек любви и новой семьи. Иной раз аромат настигал поссорившихся, и, вдохнув его, люди мирились. Порой аромат щекотал ноздри больному и слабому, и это придавало ему сил бороться с болезнью и выздоравливать. Исмаил и Гульнар прожили долгую счастливую жизнь. А их потомки до сих пор могут прочитать историю той любви в мудрых символах крымскотатарских орнаментов.

Рессам Зарема Джемилева

Кефе лялеси акъкъында масал

Къара денъизге тюшкен ве устьлеринде Кефе шеэри ерлешкен байырларда бааръде къорулгъан чичекни – Кефе лялесини корьмеге мумкюн. Эгер бу чичекнинъ япрачыкъларына дикъкъатнен бакъылса, олардан эр бир танеси атеш ялынынъ тильчигине ошай. Ортасында олгъан къара эрчиклер исе, къара комюр данелерини хатырлата. Бутюн лялелернинъ эджадады олгъан бу аджайип чичекнен пек чокъ икяелер багълы. Амма мен сизге тылсымлы ве аджайип бир икяени тариф этмеге истейим.

Чокъ заманлар эвель къадимий Кефеде эллинлер, шимди юнанлылар оларакъ адландырылгъан миллет яшагъанда, шеэр четинде зенгин базиргян ве фукъаре чобан эки аиле яшай экен. Базиргянынъ аилесинде Феодор, чобанда исе Алан адлы огъуулары осе экен. Огъланлар пек якъын дост олып, эв азбарларынынъ аркъасында узангъан байырларда ойнай ве анда пек чокъ вакъыт кечире экен. Олар куреш усулларыны менимсемеге, кучьлю ве беджерикли олмагъа, атларны минип юрьмеге огрене экен. Ара-сыра Феодор ве Алан кунеште къызгъан откъа ятып, кок ве кокте кеткен булутларгъа бакъа, узакъ мемлекетлер акъкъында хаял къура экенлер.

Феодорнынъ бабасы огълунынъ фукъаре огъланнен достлашкъаныны бегенмей экен. Огълу базиргян ишине огренгенини, чешит мемлекетлерге барып кельген ве Кефе базарларына энъ яхшы мал кетирген озь тиджарет гемилерине, гемиджи такъымларына саип олгъаныны истей экен. Куньлерден бир кунь башкъа бир базиргянынъ гемиси узакъ мемлекетлерге кеткенде, Феодорнынъ бабасы, яш огълан ишнинъ инджеликлерини ве агъыр тарафларыны озю огренсин деп, огълусыны да ёллай экен. Феодор сеяхат хаялыны керчеклешкенине пек севинип, амма бу сеяхаткъа якъын досту Аланнен кетип оламагъанына пек кедерленген экен.

Феодор кеткен сонъ Алан асрет чекмеге башлагъан. О бабасына къойларны отлатмагъа, къыркъмагъа ве къой юньюни сатмагъа гъайретнен ярдым эткен. Амма эр бир янъы куннен тувгъан байырлар онынъ ичюн даа да зияде ябанджы олмагъа башлагъан. Алан Феодорнынъ огюнде ачылгъан янъы шеэр, лиман, мемлекетлернинъ хаялларыны тасаввур этип, даа да чокъ кедерленген. О бабасы киби омюр

бою чобан олмагъа истемеген... Бир кере бабасы, Алан не ичюн о къадар дертли олгъаныны сорагъан. Яш огълан сеяхат этме арзусыны, достуны сагъынгъаныны, чобан аятына коре даа да яхшы омюрге ынтылгъаныны анълаткъан...

«Мен эр кунъ корьген бу байырларнынъ насыл гузеллиги бар?! Тек баарьде олар ешилъ тазе отнен къаплана ве устьлеринде лялелер ача. Къалгъан вакъытта исе олар сыджакъ кунештен сарарып кетелер», – чорлана экен Алан. Бабасынынъ дудакъ кошелеринде исе кедерли тебессюм корюнген...

«Алан, огълум, мен сенинъ дуйгъуларынъны анълайым. Мен де бир заманларда яш ве атешли олып, бутюн дюньяны корьмеге истей эдим... Мен санъа аятынъда бильмеге керек олгъан энъ муим шейни айтайым. Сен мени шимди анъламазсынъ ве мен къартайып, къойларымдан даа да ахмакъ олгъанымны тюшюнирсинъ. амма сен бильмек керексинъ – ана топрагъындан даа да азиз, сыджакъ ве гузель ич бир шей ёкътыр», – деп хитап эткен онъа къарт чобан.

Алан башыны асып отургъан, бабасынынъ сёзлери онъа тесир этмеген. О даа да буюк асретнен узакъ мемлекетлерни тюшюнмеге башлагъан.

Эртеси куню базиргянынъ эвинде къапу чалынгъан. Къапуда оларнынъ фукъаре къомшусы – чобан тура экен. О озюнинъ къой сюрюсини сатып, базиргянгъа ыргъат оларакъ чалышмагъа кельген. Къой сатылувынен алынгъан капиклерге къарт адам озюнинъ бир джан огълуну узакъ ерлерге азырлагъан. Кетмеден эвель сонъки геджеде Аланнынъ анасы огълуна топракънен толдурылгъан балчыкътан япылгъан чельмекни берип: «Огълум, бу чельмек даима янында олсун, оны яхшы сакъла, чельмектеки топракъны сувар. О топракъ санъа бизни ве эвимизни хатырлатсын», – айткъан. Къарт къадын огълуну къучакълап, башыны ве омузларыны орыткен марамасынынъ четинен козь яшларыны сильмеге башлагъан. Сабасына Кефе лиманындан узакъ мемлекетлерге тиджарет гемиси кеткен. О гемиде денъизджи ярдымджысы вазифесине алынгъан Алан да бар экен. Геми тувгъан саильден узакълашмагъа башлагъанда, яш огъланнынъ юреги эеджандан коксюне сыгъмагъан. Алан эвге зенгин къайтаджагъыны ве аяты денъишеджегини тюшюнген экен.

Чокъ кунъ ве гедже Алан тиджарет гемисинен кеткен. О гемидеки бутюн агъыр ве кирли ишлерни беджерген. Якъкъан кунеш, кучъю ельден, тузлу сувдан Аланнынъ тени къабалашкъан, адалелер челик киби къаттылашкъан, Алан исе гемиджи ишине огренген. Геми кирген эр бир лиманда Алан бутюн ерлерни коръмеге, шеэр ве сакинлерининъ тарихини бильмеге, таныш олмагъан нутукъны динълемеге ве белли олмагъан ашларны ашамагъа тырыша экен. Амма эписинден чокъ Аланны къуюмджыларнынъ усталыгъы меракъландыргъан. Яш огълан эр шейни бильмеге истеген ве акъыллы олып, янъы бильгилерни бирден менимсеген. Гемининъ саиби онъа къазангъан акъчаларынынъ бир къысмыны берген сонъ, Алан къуюмджылар чалышкъан алетлерни алып, озюне къуюмджылыкъ ишининъ устасы оладжагъына сёз берген.

Алан чалышкъан геми чокъ ерлерден кече экен. Эр сефер бир де бир лиманда токътагъанда гемининъ магъазалары янъы малларнен толгъан. Ниает, гемининъ капитаны Эндулюс лиманына кирген сонъ, кери къайтмакъ къарарыны алгъан. Геми такъымы ялыгъа тюшкен сонъ, Алан бутюн денъизджилер киби мейханеге кетмеген экен. О шеэр сокъакъларында кезип, къуюмджылар тюкянларыны къыдыргъан. Яш огълан о ерлерде усталарнен къонушып, янъы бир шейлер огренмеге ниетленген. Бойле юрип, Алан чокъ тюкянлар олгъан бир базаргъа кирген. Оларнынъ арасында къуюмджылар тюкяны да бар экен. Алан тюкянгъа кирип, саибинен селямлашкъан ве энди келишининъ себеби акъкъында лаф этеджекте, тѣкмеден эвель къуюмджылар маденлерни ириткен оджакъта комюрлерни къарыштыргъан кирли хызметчини корьген. Инсан кевдеси онъа пек таныш кельген ве о адам чеврильгенде Алан пек шашкъан экен. Огюнде онынъ энъ якъын досту – Феодор тура экен. Феодор да Алан етишкенине ве денъишкенине бакъмадан оны таныгъан. Эки дост бири-бирининъ къучагъына атылгъанлар. Тюкян саиби къаршы келип, меселенинъ анълатмасыны талап эткен. Субеттен Алан тюкяннынъ саиби Феодорны эсирлер базарында сатып алгъаныны огренген. Феодор исе о кеткен гемиге денъиз хырсызлары уджюм эткенини, эр шейни чайпагъанларыны, такъымны исе Эндулюс эсирлер базарында саткъанларыны икяе эткен. Узун вакъыттан берли бир-бирини коръмеген эки яш козь яшларыны тутамагъанлар. Тесадюфен оларгъа корюшмеге къысмет олгъан, амма насыл себеплернен олгъан бу корюшюв...

Алан тюкян саибини Феодорны азат этмеге риджа эткен, амма о ич те разы олмагъан. Ойле олса олар достуны сатып алмагъа теклиф эткенлер, амма къуюмджы сорагъан фиат пек юксек экен. Алан исе тек денъизджининъ ярдымджысы чалышкъаны ичюн о къадар парасы ёкъ экен... Алан къуюмджы теклиф эткен анълашмагъа разы олмагъа меджбур къалгъан. Артыкъ о достуны сатып алмасына етеджек пара къазанмагъандже къуюмджынынъ ярдымджысы оларакъ чалышмагъа къарар алгъан. Алан чалышкъан гемининъ саибинен сагълыкълашмагъа ве Феодорнен берабер эвге къайтмакъ ичюн Эндулюсте къалмагъа меджбур олгъан.

Алан къуюмджынынъ тюкянында эки йыл чалышкъан. О достуны пек сийрек коре экен, амма о да эв асретинден пек къыйналмасын деп, ёлгъа чыкъкъанда онъа анасы туттыргъан тувгъан топракънен чельмекни Феодоргъа берген. Алан анасынынъ тенбилерине къулакъ асмай, чельмектеки топракъны сувармагъа унута экен ве Феодоргъа буны япмагъа риджа эткен. Феодор догъмуш Кефеден олгъан гъает къыйметли бахшышкъа пек минетдар олгъан экен.

Алан тюкяндаки олгъан эр бир ишни япкъан. Одун кетирген, тюкянны джыйыштыргъан, маден кесеклерни буюк машанен туткъан ве къуюмджынынъ да ишинде ярдым эте экен. Тюкян саиби генч огълан истидатлы олгъаныны ве ара-сыра пек къыйметли тевсиелер бергенини корип, онъа тек талебе ишини дегиль де, артыкъ, джиддий къуюмджы шейлерини де япмагъа изин берген. Муштерилен Аланнынъ усталыгъыны макътай ве япкъан орьнеклерининъ айретте къалдырыджы олгъаныны къайд эте экенлер. Алан чешит мемлекет ве фаркълы усталарда корьгенини озюнинъ озьгюн услубинде джанландыргъан.

Куньлерден бир кунь Алан устаханеде чалыша экен. Шу куню Феодор да тюкянда олып, атеш якъмагъа ярдым эткен. О достунынъ янына келип сорагъан:

– Биз сеннен балалыкъта ойнамагъа севген байырларда баарьде оськен лялелерни хатырлайсынъмы?

Алан кокюс кечирип, башынен ишмар этти.

– Олар бу алевге ошайлар, – девам эте эди Феодор. – Ляленинъ эр бир япрачыгъы алев тильчиги, эрчиклери исе комюр данелери кибидир...

Бир дакъкъа кечмеден Феодор туруп, азбардан Аланнынъ анасы берген чѣльмекни кетирген. Чѣльмекте узакъ ве тувгъан Кефе байырларында олгъаны киби, айны Кефе лялеси осе экен.

Алан пек тааджиplenген, чюнки анасы онъа чичекни бу чѣльмекке сачкъаныны айтмагъан. Бу дюльберликни корьгенде генч къуюмджынынъ юреги сызлагъан, козьлеринде козьашлар пейда олгъан, тувгъан ерлерининъ ресимлери козьлери огюнде джанлангъан. Артыкъ гъурбетликте яшамагъа кучъ къалмагъан, тувгъан еринден даа да яхшы бир ер олмагъаныны айткъан бабасы не къадар акълы экен!

О геджеде Алан устаханеде айры бир шевкънен чалышкъан. О асильзаде бир къадын ичюн илик япа экен. Онынъ филигранъ орьнегинде Эндюлюсте ич кимсе корьмеген чичек – Кефе лялеси пейда олгъан. Муштери иликни алмагъа кельгенде яш устанынъ ишинден айретте къалып, иши ичюн къызгъанмайып, минетдарлыгъыны бильдирген. Берильген акъча Феодорнынъ сербест этильмесине еткен. Къарт къуюмджы Аланны йибермеге истемесе де, берильген сѣзни тутмагъа керек олгъан.

Алан ве Феодор Къырым ялысына кеткен биринджи геминен Эндюлюстен айырылгъанлар.

Генчлер эвге къайткъанда, эм базиргян, эм чобаннынъ эвлеринде буюк байрам олгъан! Не базиргян, не де чобан, артыкъ, огъуллаарыны корьмеге умют этмегенлер экен.

Чокъ вакъыт кечмеден Алан озъ тюкяныны ачып, къуюмджы олып чалышмагъа башлагъан. О бабасына кене де къой алмагъа ве, ара-сыра, Феодорнен балалыкъта ойнагъан байырларда о къойларны отлатмагъа ярдым эткен.

Феодор кечкен бутюн къыйынлыкъларгъа бакъмадан, бабасынынъ базиргян ишини девам этмеге къарар алгъан. О Аланны тек дост дегиль де, бутюн омюри боюнджа агъа сайгъан экен.

Эрте баарьде шеэрнинъ аркъасындаки байырлар янъы ешилъ отнен къаплангъанда Феодор ве Алан тувгъан топракъларгъа узун кезинтиге чыкъып, онынъ тазе къокъуларыны ала экенлер. Этрафтаки ачкъан лялелерге бакъкъанда олар къайдадыр Къырым топрагъынынъ ичинде Баарь бикеси буюк оджакъны якъкъаныны тасавур эткенлер. Шу оджакънынъ ялын тильчиклери тышкъа къырмазы чичек шеклинде чыкъкъан экен. О чичекни де Къырымда татлы, сыджакъ, кунешли «Ляле» сёзюнен адландыргъан экенлер.

Сказка о кефинском тюльпане

На холмах, что спускаются к Черному морю, на которых стоит город Кефе, весной можно встретить заповедный цветок – кефинский тюльпан. Если присмотреться к его лепесткам, то каждый из них похож на язычок пламени костра, а черные тычинки – на затухающие угольки. Много историй связано с этим удивительным цветком, который является предком всех тюльпанов. Но я расскажу вам свою историю – волшебную и удивительную.

В давние времена, когда в древнем Кефе обитали эллины, те, кого сейчас называют греками, на окраине города жили две семьи – богатого купца и бедного пастуха. В семье купца рос сын Феодор, и у пастуха рос сын Алан. Мальчики крепко дружили между собой и проводили в играх много часов на холмах, которые тянулись сразу за дворами их домов. Они стремились быть сильными и ловкими, усвоить приемы борьбы, научиться верховой езде. Иногда Феодор и Алан просто ложились на теплую траву и смотрели на небо, проплывающие облака и мечтали о дальних странах.

Отец Феодора не приветствовал дружбу сына с простолюдином. Он хотел, чтобы сын обучался купеческому делу, чтобы имел свои торговые судна и команды моряков, которые будут ходить в разные страны и привозить лучший товар для продажи в Кефе. И однажды, когда судно другого купца уходило в плавание к дальним берегам, он отправил на нем Феодора, чтобы юноша познал все тонкости и трудности купеческого ремесла на практике. Феодор был рад возможности, наконец, осуществить мечту о путешествии, но в то же время огорчился, что отправлялся в него без своего лучшего друга Алана.

После отъезда Феодора Алан затосковал. Он старательно помогал отцу с выпасом овец, их стрижкой и продажей овечьей шерсти. Но с каждым днем родные холмы казались ему все менее привлекательными. Алан представлял себе картины новых городов, портов, стран, которые открывались взору Феодора, и грустил еще больше. Алан не хотел всю

жизнь быть просто пастухом как его отец... Однажды отец спросил его, о чем он так печалится. Юноша честно рассказал о мечте путешествовать, о тоске по другу, о стремлении к лучшей доле, чем доля пастуха...

«Что хорошего в этих холмах, которые я вижу каждый день?! Лишь весной они покрываются новой травой и на них цветут тюльпаны, а в остальное время они желтеют от жаркого солнца», – возмущался Алан, и грустная улыбка тронула уголки губ его отца.

«Алан, – обратился к нему старый пастух, – сынок, я понимаю, что ты чувствуешь, я сам был когда-то молодым и горячим и жаждал увидеть весь мир... Я скажу тебе самое главное, что ты должен знать в своей жизни. Ты сейчас меня не поймешь и подумаешь, что я стал стар и глупее моих овец. Но ты должен знать: нет ничего милей, теплей и добрей родной земли».

Алан сидел с опущенной головой, слова отца его не тронули, он лишь еще больше затосковал по дальним краям.

На следующий день в доме купца раздался стук в дверь. На пороге стоял их бедный сосед – пастух. Он пришел, чтобы продать свою отару купцу и наняться к нему батраком. На монеты, полученные за отару, старик собрал своего единственного сына в дальнюю дорогу. В последнюю ночь перед отъездом мать Алана дала сыну глиняный горшочек полный земли и сказала: «Сынок, пусть этот горшочек будет всегда рядом с тобой, береги его, поливай землю в горшочке, пусть она напоминает тебе о нас, о нашем доме». Пожилая женщина обняла сына и стала утирать слезы краем шарфа, покрывающим ее голову и плечи. На следующее утро из порта Кефе уходило торговое судно к далеким берегам, на котором уплывал Алан в качестве помощника матроса. Сердце юноши вырывалось из груди, когда корабль стал отходить от родного берега. Алан верил, что вернется домой богатым и что жизнь его изменится.

Много дней и ночей плыл Алан на торговом судне. Он выполнял всю грязную работу. От палящего солнца, сильного ветра, соленой морской

воды кожа Алана загрубела, мышцы стали крепкими, как стальные жгуты, а Алан познал морское дело. В каждом новом порту, в который заходило судно за товаром, Алан не упускал возможности посмотреть на все достопримечательности, узнать историю города, его жителей, послушать незнакомую речь, отведать неизвестные яства. Но больше всего Алана интересовало мастерство ювелиров. Юноша был пытливым и смекалистым и хватал на лету новые знания. Когда хозяин судна заплатил ему часть заработка, Алан купил инструменты, с которыми работали ювелиры, и дал себе слово стать мастером ювелирного дела.

Через многие порты проходило судно, на котором плыл Алан. С каждой остановкой трюмы наполнялись новым товаром. Наконец, капитан решил повернуть судно в обратный путь сразу после захода в последний порт Андалусии. Когда команда судна высыпала на берег, Алан по привычке не пошел с толпой моряков в кабак, а побрел по улочкам города в поисках ювелирных лавок, чтобы пообщаться с мастерами и постараться научиться чему-то новому. Так он шел и забрел на рынок, где среди прочих лавок, была и ювелирная лавочка. Алан зашел, поприветствовал хозяина и только собирался поговорить о причине своего прихода, как увидел грязного слугу, который размешивал угли в очаге, где ювелиры расплавляли металлы перед отливкой. Фигура человека показалась очень знакомой, а когда он обернулся, Алан ахнул – это был его лучший друг Феодор. Феодор тоже сразу узнал Алана, несмотря на то, что юноша возмужал и немного изменился. Дружья кинулись друг другу в объятья. Хозяин лавки стал протестовать и потребовал объяснений. Из последующего разговора Алан узнал, что Феодор был куплен хозяином лавки на невольничьем рынке, а Феодор рассказал, что на судно, на котором он плыл, напали пираты, разграбили его, а команду угнали на невольничий рынок Андалусии. Юноши не могли сдержать слез, после долгого времени они увиделись, но при каких обстоятельствах!

Алан стал уговаривать хозяина лавки отпустить Феодора, но тот ни за что не соглашался. Тогда они предложили выкупить друга, но цена, которую запросил ювелир, была слишком большой, а Алан работал всего

лишь помощником матроса... Пришлось согласиться на сделку хозяина лавки – работать в подмастерьях столько времени, пока не заработает на выкуп друга. Алан был вынужден распрощаться с капитаном судна, на котором он плыл, и остаться в Андалусии, чтобы вернуться домой вместе с Феодором.

Два года Алан работал в лавке ювелира. Он очень редко видел своего друга, но чтобы тот не скучал по дому, отдал ему горшочек с родной землей, который дала в дорогу Алану его мать. Алан забывал поливать землю в горшке, как наказывала ему мать, и попросил Феодора делать это за него. Феодор был благодарен за такой ценный подарок из родного Кефе.

Алан делал всякую работу в лавке: и таскал дрова, и убирал лавку, и держал куски металла большими щипцами, и, конечно же, помогал ювелиру в самом его деле. Хозяин заметил, что юноша талантлив и порой дает дельные советы, и стал разрешать ему делать не просто работу ученика, но уже и сложные ювелирные изделия. Покупатели хвалили мастерство Алана, а также то, что узоры у него были необычными. Алан воплощал все увиденное в разных странах и у разных мастеров в своем собственном стиле.

Однажды Алан работал в мастерской, а Феодор в этот день тоже был в лавке и помогал с растопкой огня. Он спросил у друга:

– Помнишь ли ты тюльпаны, которые росли весной на тех холмах, где мы с тобой любили играть в детстве?

Алан вздохнул и кивнул головой в ответ:

– Они похожи на этот огонь, – продолжал Феодор. – Каждый лепесток, как язычок пламени, а тычинки, как угольки...

Через минуту Феодор вскочил и принес со двора горшок,

переданный матерью Алана. В горшке рос кефинский тюльпан, точно такой, как на холмах в родном и далеком Кефе.

Алан удивился, ведь мать никогда не говорила, что посадила цветок в этот горшочек. Сердце защемило у него при виде этой красоты, слезы навернулись на глаза, картины родных мест появились перед глазами молодого ювелира. Больше не было никаких сил жить на чужбине, как же был прав отец, говоря, что нет прекрасней родной земли!

В ту ночь Алан работал в мастерской с особым рвением. Он делал пряжку на пояс для знатной дамы. В его филигранном узоре появился никем не виданный в Андалусии цветок – кефинский тюльпан. Когда заказчица пришла за пряжкой, она была в изумлении от работы молодого мастера и щедро заплатила за его работу. Оплата была столь высокой, что ее хватало заплатить хозяину за освобождение Феодора. Как не хотел старый ювелир отпускать Алана, данное слово нужно было выполнять.

С первым кораблем, отправлявшимся к берегам Крыма, Алан и Феодор отчалили из Андалусии.

Когда юноши вернулись домой, то и в доме купца, и в доме пастуха был большой пир! Ни купец, ни пастух не надеялись увидеть своих сыновей живыми.

Алан в скорости открыл свою лавку и стал работать ювелиром. Он помог отцу снова купить овец и иногда помогал ему пасти их на тех самых холмах, где играл в детстве с Феодором.

Феодор, несмотря на все пройденные испытания, решил продолжать купеческое дело отца. Он считал Алана не просто своим другом, а братом всю свою жизнь.

Ранней весной, когда холмы за городом покрывались новой зеленой травой, Феодор и Алан уходили в долгую прогулку по родной земле и вдыхали ее теплые запахи. Когда они смотрели на распустившиеся

тюльпаны, то им представлялось, как хозяйка Весна растапливает где-то в недрах крымской земли огромный очаг, и язычки пламени этого очага прорываются наружу в виде красного цветка, который в Крыму называют ласковым, теплым, солнечным словом Ляле

Рессам Зарема Джемилева

Эвде ким баш олгъаны акъкъында масал

Къырымнынъ дагъ коюндеки бир эвде мусафир беклей эдилер. Байрам арфеси геджесинде о эвнинъ ашханесинде эшьялар арасында «Ашханеде ким баш?» олгъаны акъкъында субет кечкен. Догъру, догъру, сиз догъру анъладынынъыз, эв эшьялары да лаф этмеге севелер, амма буны кимсе корьмей ве эшитмей. Чокъусы алларда ашханеде яшагъанлар, эв сакинлери иш ве чапкъалав толу куньден сонъ яхшы этип юкълап къалгъанларыны беклейлер. Иште, о вакъыт чекмеджелер ачыла, рафлардан савутлар тюше ве лафкъа тоймакъ ичюн эписи софра башында топлана.

Бу гедже ашханедекилер пек эеджанлангъан, чюнки олар ярынки байрамнынъ энъ муим къысмында – зияфетте иштирак этеджек экен.

Биринджи беяз, утюленген, четлери зариф орьнеклернен нагъышлангъан ве ипекли пускуллернен сюсленген софра орьтюси кибирли тавырнен сёзге башлагъан:

– Мен олмасам, ич бир зияфет олмаз. Мен байрам софрасыны яраштырам! Менсиз байрам саде ве джан сыкъыджы оладжакъ, мусафирлер де кейфсиз къайтырлар.

Чини сервис ве кумюш къашыкъ, санчкъы, пычакълар бирден эеджанланмагъа башлагъан.

– Байрам севинчини софра орьтюси багъышлаймы? Эльбетте, бекленъиз! – индже сеснен тепис ве салата савуты янъырагъанлар. – Бизге бакъынъыз. Биз пек индже чиниден япылгъанмыз, сервисимизнинъ эр бир эшьясы чемберинде не къадар дюльбер алтын орьнек япылгъан! Оны эм чанакъ, эм тепислерде, эм салата савутында, эм де фильджанларда корьмеге мумкюн!

– Я бизим парылдагъанымызгъа ве авизенинъ ярыгъыны акис эткенимизге бакъынъыз, – деп, эеджанлангъан бутюн чанакъ-чельмеклер, къашыкъ, санчкъы ве пычакълар. – Зияфет бизсиз кечерми? Эгер биз олмасакъ мусафирлер ашларнынъ дадына насыл бакъаджакълар? Шубесиз ки, бу зияфетте энъ баш олгъанлар – бизлердир!

Шу дакъкъада давагъа къазан, тава ве бакъыр чайник къошулгъан.

– Софра орътюси, савутлар ве софра такъымы сиз озюнъизге пек юксек къыймет кесесинъиз. Сиз тек мусафирлер ашап олсун деп керексинъиз. Я биз олмасакъ олар не ашайджакълар? Тек бизим ярдымымызнен аш пиширге, къавурмагъа, бувламагъа ве къайнатмагъа мумкюн. Мусафирлер огюнде энъ леззетли ашлар олсун деп, биз озь четлеримизни атеште якъамыз. Бу ерде энъ баш ве муим олгъанлар – бизлермиз!

Бирден софрада агъач тасырдамасы эшитильген. Бу чекмеджесинден секирип, озюне дикъкъат чекмек ичюн софрагъа ургъан окълав экен.

– Бакъынъыз оларгъа не къадар акъыллы экенлер, – деп айткъан окълав. Бу дакъкъада онъа элек те якъынлашкъан. – Бириси дюльберлигинен макътана, бириси мусафирлер ичюн атештен къоркъмагъаныны айта. Сиз ич бир зияфетнинъ отъмексиз кечмегенини унуттынъызмы? Сизге коре унны ким элей? Ким хамырны ача? Ярын мусафирлер ичюн янтыкъ ве чиберек япаджакъларны билесинъизми? Бу иште тепислер ярдым этеджекми? Я да сен, къурсакълы бакъыр чайник, ярдым этеджексинъми? Ич кимсе! Бу ишнинъ усталары тек окълав ве электир! Яни бизлер! Биз олмасакъ, ич бир шей олмаз! Демек ки, энъ муим ве бу ернинъ башы – бизмиз!

Сёнген оджакъта апансыздан атеш алевленди. Атеш те даянмайып, давагъа къошулды:

– Сизден ич биринъиз манъа етмез! Мен олмасам, ич бир шей олмаз! Зияфет те, сыджакълыкъ та, чай ве къаве ичюн сыджакъ сув да олмаз. Онынъ ичюн бу манасыз даваны битиринъиз! Эв оджагъынынъ атеши энъ муим ве баш олгъаныны эписи биле!

Эвде ойле шамата ве зий-чув котерильген тап юкълагъан эв саиплери биле ятакъларында айланмагъа башлагъан экен. Амма ашханедеки чанакъ-чельмеклер мукъайтлыкъ акъкъында унутып, бири-биринден даа да юксек сеснен къычырмагъа ынтылгъан. Тепислер янъгъырагъан, окълав софрагъа ургъан, къазан гурьлеген, чайник сызгъыргъан, къашыкъ, санчкъы, пычакълар эписини кумюш янларында ойнагъан ай нурынен къамаштыргъан. Ниает, эписи

болдурып, кеч олгъаныны ве юкъламагъа вакъыт кельгенини анълагъанлар.

– О заман, келинъиз, ярынки зияфеттен сонъ мусафирлер не айтаджагъыны динълейик. – деп, айткъан бу даваны башлагъан дюльбер софра орътюси. – Олар кимни макътасалар, онъа коре бу ашханеде ким даа да муим ве ким баш олгъаныны огренирмиз.

Бойле икметли къараргъа эписи пек къувангъан. Сабадан янъы къуветнен тек сёзде дегиль де, иште де ич бир байрам софрасы оларсыз олмагъаныны косътермек ичюн бутюн ашхане неснелери озъ рафларына тургъан, чекмеджелерине кирген.

Байрам куню мусафирлерни къаршыламакъ ичюн эв бикеси чешитли ашларны пиширген, къавургъан, бувлагъан, хамыр ачкъан ве софраны донаткъан. Эр шей пек дюльбер олгъан. Ашхане сакинлери де джан-юректен зияфет азырланмасында иштирак эткен ве эписи озъ эмеклери ичюн макътавны беклей экенлер.

Ниает мусафирлер кельген. Олар софра башында къувангъан, зияфетни ве леззетине бакъкъан эр шейни макътагъан экен. Эписи яхшы вакъыт кечиргенлери ичюн эв бикесине миннетдарлыгъыны бильдиргенлер. Мусафирлерден бириси тешеккюрини бильдирип, пек сыджакъ сёзлер айткъан:

– Машаллах, эв бикеге! Сизинъ къолларынъыз алтын кесе! Бу эв эллеринъизнинъ эмегинен аякътадыр!

Бу сёзлерни бутюн ашхане сакинлери эшиткен. Энъ кучюк чай къашыкълары биле дуйгъан. Бу керчектен ойледир! Чюнки чини тепис ве кумюш къашыкъ, санчкъыларны эв бикенинъ эллери юва. Бем-безд софра орътюсини къокъулы сабуннен эв ханымнынъ къоллары ювып, нишасталай! Я бакъыр чайникнинъ четлерини ким темизлей? Оджакъта атешни ким якъа? Ким унны элей ве ким хамырны ача? Къазандаки леззетли пилявны ким къарыштыра ве чайны ким демлей? Бу эр шейни эв бикенинъ эллери япа, ашхане сакинлери исе онъа ярдым этелер!

Бойлеликнен, ашханедеки чанакъ-чельмеклер сусып, оларнынъ эв бикеси не къадар муляйым ве яхшы табиятлы олгъаныны хатырламагъа башлагъан. О, чалышкъанда назик йырлар йырлагъаныны, тертипнен эр бирини озъ ерине къойып, ашханени дюльберлештиргенини

түшүнүктөр. Бу кечмиште олгъан эр шейни акъылгъа кетирген сонъ
эписи бири-бирине тебессюмнен бакъып, ким баш ве ким энъ муим
олгъаны акъкъында давалашмагъа истемеген.

Эр биримизни, алтын орынок я да парылтыдан даа зияде безеткен
ишкерлик ве эмек акъкъында, иште, бойле бир икяе.

Сказка о том, кто в доме главный

Как-то в одном доме, что стоял в крымском горном селе, ждали гостей. В ночь перед праздником на кухне того дома состоялся разговор между домашней утварью на тему «Кто на кухне всех главнее?» Да, да вы не ослышались, домашняя утварь тоже любит поговорить, только никто этого не видит и не слышит. Обычно обитатели кухни дожидаются, пока все домочадцы заснут крепким сном после дня полного забот и хлопот. И вот тогда открываются выдвижные шкафчики – чекмедже, посуда скатывается с полки – рафы, и все собираются на обеденном столе – софра, чтобы наболтаться вволю.

В эту ночь обитатели кухни волновались, ведь они принимали участие в самой важной части завтрашнего праздника – в угощении – зияфет.

Первой выступила скатерть – софра ортусы. Она была такая важная, белая, накрахмаленная, с изящным узором, вышитым по периметру и шелковой бахромой.

– Без меня ни один пир не может обойтись. Как же я украшаю собой праздничный стол! Если бы не я, то торжество будет выглядеть обыденным и скучным, и гости уйдут без настроения.

Тут же заволновался фарфоровый сервиз (чини сервиз) и серебряные ложки (кашыкъ) с вилками (санчкъы) и ножами (пычакъ).

– Скатерть делает праздничное настроение? Как бы не так! – звенели тонко тарелки и салатницы. – Посмотрите на нас. Мы сделаны из тончайшего фарфора, а какой красивый золотой узор идет по ободу каждого предмета нашего сервиза – и на тарелках, и на блюдах, и на салатницах, и на чашках!

– А как мы блестим и отражаем свет люстры, – волновались столовые приборы, ложки, вилки и ножи. – Какое пиршество без нас? Как

гости смогут отведать все яства, если нас не будет под рукой? Несомненно, мы самые главные на этом празднике!

Тут в спор вступили кастрюля (къазан), сковородка (тава) и медный чайник (бакыр чайник).

– Скатерть, посуда и столовые приборы, вы совершенно переоцениваете свое предназначение. Вы всего лишь для того, чтобы гости могли красиво кушать. А что они будут кушать, если не будет нас? Это же в нас жарят, парят, варят и кипятят. Мы – самые главные, мы – те, которые подставляют свои бока в самый жар, чтобы у гостей было самое вкусное угощение.

Вдруг послышался стук дерева о стол. Это скалка (окълав) выскочила из своего ящика и стучала, чтобы привлечь к себе внимание.

– Ох, какие все важные, – сказала скалка. Тут к ней подкатилось и сито для муки (элек). – Кто-то важничает, что красив, кто-то важничает, что не боится жара ради гостей. А вы забыли, что ни одно угощение не может быть без хлеба? А кто муку сеет? Кто раскатывает тесто? Все знают, что завтра для гостей будут готовить янтыкъ и чиберек? Разве тарелки будут в этом помогать? Или ты – пузатый медный чайник? Нет, конечно! В этом деле только мы, скалка и сито, на все руки мастера. Без нас никуда! Значит, мы и есть самые главные!

Вдруг затухший очаг вспыхнул язычком пламени. Не удержался и огонь, тоже вступил в спор:

– Куда вам всем до меня? Без меня ничего не будет. Не будет угощения, не будет тепла, даже воды для чая или кофе не будет. Так что прекратите этот бесполезный спор. Всем понятно, что огонь в домашнем очаге – вот кто главный!

И поднялся такой шум и гам, что даже спящие хозяева начали ворочаться в своих постелях. Но кухонные обитатели забыли о всякой осторожности и старались перекричать друг друга. Тарелки звенели, скалка колотила деревянным боком о стол, кастрюля гудела, чайник

свистел, ложки, вилки, ножи слепили всех отражением лунного света на своих серебряных боках. Наконец, все устали и почувствовали, что время позднее, пора спать.

– Что ж, – сказала нарядная скатерть, которая начала весь этот спор, – давайте завтра послушаем, что скажут гости после угощения. Кого они будут хвалить. Так и узнаем, кто из нас самый главный на этой кухне.

Все обрадовались такому мудрому решению и встали на свои полки, залезли в свои выдвижные шкафчики, чтобы с утра с новыми силами уже не на словах, а на деле показать гостям, что без них не может быть ни одного праздничного стола.

На следующий день хозяйка пекла, жарила, парила, раскатывала и накрывала стол к приходу гостей. Все получалось замечательно, все кухонные обитатели старались от души поучаствовать в приготовлении угощения, и все ждали похвалы за свои труды.

Наконец, пришли гости. Они веселились за столом, хвалили угощение и все, что пробовали. Пришло время уходить. Все благодарили за теплый прием. Один из гостей сказал много слов благодарности:

– Дорогая хозяйюшка, машАллах! У вас такие золотые руки! Этот дом держится на трудолюбии ваших рук!

Все кухонные обитатели это услышали. Даже самые маленькие чайные ложки. А ведь и вправду, так все и есть! Ведь это хозяйкины руки моют фарфоровые тарелочки и серебряные ложки-вилки. Хозяйкины руки стирают душистым мылом белоснежную скатерть? А кто начищает бока медному чайнику? Кто разводит огонь в очаге? Кто сеет муку и раскатывает тесто? Кто мешает вкусный плов в казане и заваривает чай? Все это делают руки хозяйки, а кухонные обитатели ей помогают!

И вот кухонная утварь притихла и стала вспоминать про себя, какая добрая у них хозяйка. Как она поет нежные песни, пока работает. Как она красиво расставляет всех их по порядку, каждому нашла свое место так,

чтобы был уют на кухне. Тут все стали улыбаться, и уже никто не хотел спорить о том, кто главный.

Вот такая история, которая рассказывает нам, что труд украшает любого из нас лучше, чем позолоченные узоры или блеск.

Рессам Зарема Джемилева

Къырымнынъ Алтын къапылары акъкъында масал

Чокъ заманлар эвель Къырымнынъ шаркъ ялысында, шимди Коктебель кою ерлешкен ерде Ядгар адлы яш балыкъчы яшай эди. Ядгар «эр шейни хатырлагъан» манасына кельген бир аддыр. Ядгар озюнинъ къарт ана-бабасынен яшай, балыкъ тута ве онда олгъан эр шей ичюн Аллахкъа миннетдар эди.

Кунылерден бир кунъ денъиз копюкленген, далгъалары исе пек юксек котерильгени ичюн балыкъ авына чыкъмагъа мумкюн олмагъан. Ядгар ялыгъа кетип, тувгъан корьфезининъ дюльбер манзарасына бакъмагъа истеген. Орман ве чалыларнен орытунген дагълар, уфукъкъа даянгъан ташкъын, фуртуналы денъизнинъ юзю ве тарла чичеклеринен безетильген байырларнынъ ямачлары генч огъланнны мефтюн эткен. Ель онынъ сачларынен ойнагъан, денъиз ялысына урунгъан далгъалар шувултысындан исе Ядгарны юкъу баскъан. О терен юкъугъа далып, аджайип бир тюш корьген. О тюште Ядгар юкълап къалгъан ялынынъ корюнюши бам-башкъа – азим Къара-Дагъ, байырлар ёкъ, денъиз исе тынч ве сакин экен. Балыкъчыларнынъ коюни де танымагъа агъыр олгъан – юзь дане эв ерине тек бир къач ёкъсул къулюбе ерлешкен. Ядгарнынъ тувгъан межанына не олгъан? Бунынъ акъкъында бизге онынъ тюшю икяе этеджек...

Ядгарнынъ тюшюнде о къулюбелерде фукъаре балыкъчыларнынъ аилелери яшагъан. О ерлерде денъиз тынч ве назик, балыкъ авы исе бол олгъанына бакъмадан эр анги бир инсан яшамагъа джесарет этмеген. Балыкъчыларнынъ икяелерине коре ялыдан узакъ олмагъан бир ерде бутюн денъизлернинъ Улу Укъумдарынынъ денъизалты падишалыгъы ерлешкен. Улу Укъумдарнынъ бинъ дживан къызы бар ве о дюльберлернен эвленип денъизалты падишалыгъында яшасынълар деп, Укъумдар кучлюю яш балыкъчыларны хырсызлагъан экен. Денъизге чыкып, пек чокъ яш огъланлар къайтмагъан, ана-бабалары эппейи козьяшлар тёккен. Онынъ ичюн дигер адамлар бу койден четлеше экен.

Ядгар телюкесиз ерге кочьмеге кучю олмагъан фукъаре аиледе оськен. Онынъ ичюн огъланнынъ анасы оны балыкъчы зенаатындан узакъ тутмагъа тырышкъан. Амма огълан денъизни севген ве эм джесюр, эм де гъает беджерикли экен. Амма къартайгъан бабасы хасталангъан

сонъ, аилени бакъмакъ ичюн анасынынъ бир джан огълусы балыкъчы олмасына разы олгъан. Ядгар янъы ишни пек тез менимсеп, эвге сыкъ-сыкъ бол берекетнен къайткъан.

Куньлернинъ биринде о къайыгъынен эр вакъыт баргъан еринден даа да узакъ кеткен. Агъларыны ерлештирип, олар балыкънен толгъаныны сабырнен беклеген. Бираз вакъыт кечкенинен Ядгар агъларгъа бир шейнинъ тюшкенини дуйгъан. Яш огълан ойле тез тутулгъан балыкъларгъа севинип, агъларны чыкъармагъа башлагъан ве анда балыкъ ерине ер юзюнде ич де раст кельмеген дюльбер къызнынъ тюшкенини корьген. Онынъ сачлары омузларыны орыткен, козьлери зумрут тюзлю, урба ерине исе кунеште парылдап, Ядгарнынъ бакъышыны къамаштыргъан балыкъ пуллы дюльбер антер бар экен. Къыз оны азат этмеге риджа эткен. Ядгар эсир тюшкен къызны агънынъ ичинден къуртарып, «Сен кимсинъ? Адынъ недир?!» деп сорагъан. Денъиз къызы аякъларыны сувгъа тюшюрип, далмагъа азырлангъанда, тебессюмнен: «Мен Денъизалты Укумдарынынъ къызы, адым – Зумрут. Зумрут – «козьлери зумрют тюзлю» манасына келе» деген. Аджайип бир корюшювден шашкъан Ядгар белли бир вакъыт тюшюнджелерге далгъан. Ельнинъ сувукълыгъы оны озюне кетирген ве о кене де агъларыны денъизге ташлагъан. Бу сефер агъ балыкънен толу чыккъан. Ядгар эвге кеч олса да, бол рызыкънен къайткъан.

Вакъыт адети узьре кеткен, яш огълан девамлы денъизге балыкъ авына чыкъа берген ве эр кунъ дюльбер Зумрут акъкъында тюшюнген. Койде, эльбетте ки, Ядгарны бегенген къызлар да бар экен. Ара-сыра балыкъчы чокъракъ янындан кечкенде койнинъ яш къызларындан бириси утанып, тебессюмнен онъа козь ташлагъаныны ве сонъра сувнен толу гугюмини омузына къойып, тез кеткенини корьген экен. Амма къызлардан ич бириси Зумрутке ошамагъан...

Денъиз дюльберинен кене корюшмек ичюн Ядгар оны агъларынен туткъан ерде балыкъ тутмагъа башлагъан. Бир къач вакъыттан сонъра онынъ беклентилери догъру чыккъан, онынъ къайыгъына Зумрут якъынлашкъан. Юзюни марама киби къапаткъан сачларынынъ алтындан бакъып, къыз кулюмсиреген. Ядгар утангъанындан не айтаджагъыны бильмеген, амма Зумрут озю къонушманы башлагъан.

– Кечкен сефер корюшкенимизде сен озь адынъны айтмадынъ, амма мен ялы янында ялдап, койдеки адамларнынъ лафларыны динълей

эдим ве сенинъ адыны да бильдим. Мен адамларны, оларнынъ аят тарзларыны, япкъан ишлерини пек бегенем. Бу денъизалты падишалыкътаки аяттан пек фаркъ эте!

Ниает, джесаретленип, Ядгар да лафкъа башлагъан:

– Мен денъизалты падишалыгъы акъкъында пек чокъ эшиттим ве андаки яшайышны коръмек меним ичюн пек меракълыдыр. Эм де коюмден джоюлгъан яш балыкъчылар акъкъында бильмеге истер эдим.

Къыз кедерленди.

– Эгер сен денъизалты падишалыкъкъа барсанъ, онынъ сакинлери коюнъдеки балыкъчылардан даа да зенгин олгъанларыны корерсинъ. Чюнки меним бабам – Денъизалты падишалыгъынынъ Укюмдары озъ халкъына къаршы пек джумерттир. Амма падишалыгъынынъ эр бир сакини бу джумертликни азатлыгъынен одемели, яни ич кимсе падишалыгъынынъ сынъырына чыкъмамакъ керек. Меним дюльбер таталарымнен эвли олгъан койдешлеринъ тувгъан ялысыны коръмек арзусындан вазгечмек кереклер.

– Я сен бу ялыгъа насыл келесинъ? – деп сорагъан яш балыкъчы.

– Мен озъ сербестлигимни гъамсыз, зенгинликнен толу аяткъа денъиштирмеге истемейим. Бабамнынъ падишалыгъы сынъырында нелер олгъаныны бильмеге истейим. Онынъ ичюн мен денъизалты падишалыгъынынъ къапуларны къапалы туткъан сиирли сёзлерини чездим. Бу сиирли сёзлерни Денъизалты падишалыгъынынъ Укюмдарындан гъайры ич кимсе бильмей. Артыкъ, бу сырны мен де огренгенимден кимсенинъ хабери ёкъ. – деп джевап берген денъиз къызы.

О геджеси Ядгар эвге къайткъан, амма юкълап оламагъан. Насыл этип денъизалты сакинлерине азатлыкъларыны къайтармакъ мумкюн? Насыл этип Денъизалты Укюмдарынынъ къызларынен эвли олгъан гъарип яш огъланларгъа кене де озъ ана-бабаларынен корюшмеге ярдым этмек мумкюн? Ниает, Ядгар эписине ярдым этмек ве Зумрутнинъ де юрегине ёл тападжагъында озюне сёз берген.

Невбеттеки сефер Ядгар денъизге чыкъкъанда оны анда Зумрут беклей экен. О элининъ бир арекетинен къайыкъны тазе балыкънен

толдуруп, яш огъланнен субетлешмек ичюн къайыкънынъ кенарына отургъан. Ядгар онъа денъизалты сакинлерине ве яш огъланларгъа ярдым этмек истеги акъкъында тариф эткен, амма денъиз къызына ашыкъ олгъаны акъкъында утангъанындан ич бир шей айтмагъан. Зумрут башта бу иш ич те оладжакъкъа ошамагъаны ичюн инкяр эткен, амма балыкъчынынъ джуръатнен арекет эткенини корип, онъа денъизалты падишалыгъына киришни косътермеге сёз берген.

Олар анълашкъан кунъ ве саатта Ядгар Зумрутны беклеген. Амма къыз эп кельмей экен. Артыкъ гедже къаранлыгъы кьоюлашкъанда, ниает, балыкъ пулларынынъ йылтырамасы корюнген. Ядгар балыкълар киби сув алтында нефес алып олсун деп, денъиз къыраличеси онынъ бетине уфюрип, сиирли сёзлерни айткъан. Яшлар бири-бирини элинден тутып, къараргъан денъиз сувларына далгъанлар. Сув алтында Зумрутынъ антери парылдап, эки генчке ёлны айдынлаткъан. Ядгар денъизалты дюньясынынъ дюльберлигинден шашып, олар кемерге ошагъан къаягъа якъынлашкъанларыны фаркъ этмеген. Балыкълар кемерден пек раат кече экен, онынъ ичюн бу денъизалты укюмдарынынъ сырлы падишалыкъ къапылары олгъанына ич бир шей ишарет этмеген. Зумрут сиирли сёзлерни айтып, Ядгарны элинден чеккен.

Апансыздан, кемер пенджересинде сув еринде бина, ёл, инсан, ат ерине буюк балыкълар екильген къабурчакъ шеклинде арабалар корюнген. Ер алтында ерлешкен шеэр яш огъланны мефтюн эткен. Мында тереклер дегиль де, аджайип денъиз отлары оськен. Эвлер къабурчакъ ве садефнен безетильген. Этрафтаки бутюн ёллар къумнен сепильген. О къумнынъ парылтысындан шеэр, санки кунешли кунъде киби айдын ве ярыкъ экен. Шеэр сакинлери зенгин, аллы-гуллю урбаларгъа кийинген ве пек чокъ алтын ильванлар такъкъан экен. Эписининъ урбалары балыкъ пулларына ошай, амма фаркълы тюслерде экен. Онынъ ичюн денъизалты форса саткъан дюльберлерини узакътан коръмеге мумкюн экен. Шеэрде тек сакинлернинъ эвлери дегиль де, эр шейни алмагъа имкян олгъан тюкянлар, даимий мусафирлери отургъан мейханелер ве оларнынъ огюнде ярдымгъа азыр олгъан балыкъ-хызметчилер де бар экен... Иште, ойле... Бойле бир манзараны балыкъчы даа ич бир вакъыт коръмеген. Денъизалты падишалыгъынынъ сакинлери самимий, Ядгар ве Зумрутны тебессюмнен къаршылагъан инсанлар экен. Амма яш огълан денъизалты падишалыгъына Укюмдарнынъ хабири олмадан кельгенини огренген сонъ, къоркъунен

этрафкъа бакъынып, эки яштан узакълашмагъа тырышкъанлар. Эльбетте, падишалыкъкъа ябанджы бириси кельгени акъкъында Укюмдар ве онынъ этрафы да огренген.

Якъын вакъытта Денъизалты Укюмдарынынъ бекчилери де келип, незакетнен Зумруд ве онынъ мусафирини оларнен берабер кетмеге риджа эткен. Сув алтындаки къоджаман къаянынъ ичинде ерлешкен укюмдар сарайына къадар ёлны къум ярыкъландыргъан. Къум устюнден тайгъан ярыкъ, санки о къаянынъ тюбюнден акъкъан. Бу адисе Ядгарны пек тааджиПЛЕНДИРГЕН, амма о Зумруттан ич бир шей сорап оламагъан, чюнки арабалар токътагъан ве генчлерни сарайгъа кирмеге давет эткенлер. «Ич бир шейни къасевет этме, мен эр шейни чезерим!» – Зумрут Ядгарнынъ къулагъына тек буны фысылдамагъа етиштирген. Шу дакъкъасы денъизлер Укюмдарынынъ сарай къапылары ачылгъан.

Денъизалты Къыралы юксек бойлу ве кучлю, узун сакъалы исе чал сачынен йылтырагъан экен. О буюк тахтта отургъан, хызметчи балыкълар исе онынъ тек бир бакъышыдан эр шейни анълагъан, эр бир истегини ерине кетиргенлер. Онынъ урбалары, денъизалты сакинлерининъ урбаларына коре энъ зенгин олгъан. Укюмдар къашларыны сыткъанына бакъмадан Зумрут бабасына чапып, оны бойнундан къучакълагъан ве янакъларындан опыкен. Сонъра о, кучюк къыз киби, онынъ тизлерине отуруп, утангъан Ядгаргъа бакъкъан.

Укюмдар бакъышыны йымшаткъан... Зумрут онынъ севгили къызы экен. О балыкъчыны чагъырып, онъа суаллер береджекте, Зумрут онен олгъан аман-аман эр шейни озю икяе эткен. О, гизлиден денъизалты падишалыгъынынъ къапыларыны ачкъан сиирли сёзлерни огренгенини, падишалыкънынъ сынъырларындан чыктып, къанунны бозгъаныны, Ядгарнен насыл танышкъаныны ве огълан онъа яхшы даврангъаныны икяе эткен. Икяени девам этип, Зумрут яш огълан денъизалты падишалыгъынынъ дюльберлигини корьмеге арзу эткенини хабер эткен. Амма айнеджи къыз озь ара анълашкъан яшларнынъ эсас истегини айтмагъан.

Падишах къызынынъ икяесини дикъкъатнен динълеген. Онынъ итаатсыз къызы агълардан чыкъарылып, сербест къалдырылгъаны акъкъында эшиткенде Ядгаргъа сыджакъ назарнен бакъкъан. Зумрут озь икяесини битирген сонъ, падишах софраларны зияфет ичюн донатмагъа эмир эткен. О Ядгарны янында отуртып, онъа бойле сёзлер айткъан:

– Сен меним не къадар зенгин олгъанымны ве денъизалты падишалыгъында аят не къадар яхшы олгъаныны коресинъ. Меним къызларымдан даа да дюльбер ич кимсе ёкъ. Амма ер юзюндеки огъланлар да пек гузельдир. Зумрутнынъ икяесинден сонъра мен буны даа да яхшы анъладым. Мен сени бегенем ве сен Зумрутнынъ юрегини къазангъаныны да корем. Сени невбеттеки киевим оларакъ илян этем! Тойны да ярын япмагъа тюшюнем!

Ядгар Укюмдаргъа айтыладжакъ сёзлер тапамагъан. Бир тарафтан о биринджи корюшювден сонъ, чокътан берли арзу эткен Зумрутнынъ омюр аркъадашы олмакъ керек, амма башкъа тарафтан оны, хырсызлангъан бутюн огъланларнынъ такъдири – азатлыкъ ерине зенгин эсир аяты беклей экен. Зумрут яш балыкъчынынъ акълыны раатсыз эткен фикирлерни анълагъан. О, оларнынъ анълашмалары, бабасынынъ сёзлерине бакъмадан, ерине кетириледжеги акъкъында къулагъына фысылдагъан. Къызынынъ сёзлери Ядгаргъа кучъ берген ве о мусафирлернен берабер падишахнынъ бутюн сарай боюнджа донатылгъан зияфет софрасына отургъан. Этрафта чалгъы сеслери янгъырагъан, мисли олмагъан ашлар кетирильген, Денъизалты Укюмдары пек яхшы кейфнен аякъкъа туруп, яшлар ичюн сёзлер айтмагъа башлагъан:

– Той бахшышы оларакъ киевим оладжакъ яшнынъ эр бир истегини ерине кетирмеге азырым. Ядгар, не истесенъ, сора, санъа ич бир шейде ред этмем!

Ядгар бойле джумертликке къуванып, бирден бойле сёзлер айткъан:

– Бутюн денъизлернинъ Укюмдары, Денъизалты Падишахы, дюльбер Зумрутымнынъ бабасы, санъа бойле бахшыш ичюн миннетдарлыгъымны бильдирем. Меним истегим пек садедир – денъизалты падишалыгъынынъ бутюн сакинлерине сербестлик бахшыш эт, къапыларны ач! Мындаки бутюн инсанлар чешит дюньяларны коръсинълер ве сенинъ икметини, джумертлигини бутюн дюньяларда алгъышласынлар, макътасынлар!

Этрафкъа агъыр сессизлик чёккен. Айнеджиликнен падишалыкъкъа кирген, эм де падишалыкънынъ энъ дюльбер кызыны озюне омюр аркъадаш алгъан мусафирден ич кимсе бойле незакетсиз

истек беклемеген. Денъизалты Падишахнынъ юзюни де къайгы баскъан. Амма о не япсынъ? О Ядгарнынъ эр бир истегини ерине кетиреджегини айткъан. Укюмдар аякъкъа туруп, Ядгарнынъ тарафына бакъкъан. Онынъ истеги ерине кетириледжегини тасдыкъ этип, башыны саллагъан ве озюнинъ одаларына кеткен. Шашкъан мусафирлер ерлеринден туруп, дагъылмагъа башлагъанлар. Ядгар пек къувангъан, севинчтен башы кокке еткен экен. Эр шей не къадар къолай олгъан! Зумрут та онынъ рефикъасы оладжакъ, бутюн эсирлерни де азат этеджеклер! Амма Зумрут нишанлысынынъ къуванчына севинмеген.

– Ядгар, – деп башлагъан Зумрут. – Меним бабам зенгинликтен гъайры тылсымлы кучъке саиптир. Сарай-къаямыз алтында ерасты атеши копюре. Бу онынъ ярыгъы топракънынъ тубюнден чыкъа ве къумны кунеш нуры, я да бинъ ай киби парылдагъаныны хатырлата. Бабам бу атешни идаре этмеге биле. Бабамнынъ аркъасында олгъан кучюни бильгенимиз ичюн ич кимсе онынъ ачувыны сынамагъа истемей. Бутюн хырсызлангъан огъланларны азат этмеге разы олгъаны яхшы алямет дегильдир... Юрегим бизни фелякет беклегенини айта...

– Айса, энди не япайыкъ, Зумрут? – деп сорады кедерленген Ядгар. Озь койдешлеримни къуртармакъ ичю мен эр шейге азырым. Кель, олар ер юзюне къайтмагъа азырлар, я да ёкъмы деп сорайыкъ?

Генч инсанлар сарайдан чыкъып, Зумрутнынъ таталары яшагъан эвлерге кеткенлер. Эписи – таталары да, оларнынъ омюр аркъадашлары да, къоркъунен Денъизалты Укюмдарынынъ ярынки гъадабыны беклеген экен. Амма Ядгар оларгъа тувгъан ери, денъизден эскен ели, чёллердеки от къокъулары, тувгъан корфезнинъ сыджакъ къумы акъкъында икяе этмеге башлагъанда кучлю эркеклернинъ козьлеринде козьяшлар пейда олгъан. Ич кимсе догъулгъан ерини, ич кимсе азатлыкънынъ дадыны унутмагъан! Ниает, денъизлернинъ Укюмдары фикирини денъиштирмегендже, яни бу гедже эписи падишалыкътан кетмеге къарар алгъанлар. Тез вакъытта, эвельден балыкъчы олгъан огъланлар, оларнынъ къыраличе омюр аркъадашлары ве баллары эвлерини терк этип, падишалыкънынъ къапыларына ёнельген экенлер. Зумрут сиирли сёзлерни окъуп, падишалыкънынъ къапылары ачылгъан. Ич бир вакъыт денъизалты дюньясы о къадар дюльбер, балыкъ пулларынен парылдагъан урбаларда ялдап кеткен инсанлар сюрюсини даа корьмеген.

Сабасына бутюн къачакълар оларны балыкъчылар коюнинъ сакинлери къаршылагъан ялыгъа келип еткенлер. Койлюлер, артыкъ, джоюлгъан огъуллаарыны коръмеге умют этмеген. Денъизалты Укюмдары уянгъан сонъ, бирден Ядгар ве Зумрутны чагъырткъан. Амма онъа Зумрут, Ядгар, бутюн балыкъчылар ве оларнынъ аилелери падишалыкъны ташлап кеткенлерини хабер бергенлер. Денъизалты Укюмдры бойле бир дарбени беклемеген. Ачувдан онынъ юзю къып-къырмызы олгъан, урбасындаки пуллар къараргъан. Сакъалы бургъучланып, санки, бири-бирине багълы олгъан чокъ йыланларгъа ошагъан. Денъизалты Падишахы ойле окюрген ки, ерасты атеши бунъа даянмайып, къумлу ерни парчалагъан, таш ве сувнынъ тубюнден котерилип, чыккъан. Ялыдаки инсанлар аякълары тубюндеки ернинъ сарсылгъаныны сезгенлер. Денъиздеки далгъалар инсан боюндан даа да юксек котерильмеге башлагъан. Зумруд, бабасынынъ пек ачувлангъаныны анълагъан ве эписине койден кетмеге риджа эткен. Инсанлар ара-сыра аркъаларына чевирилип, аджеле кетмеге башлагъанлар. Аркъада исе денъизнинъ ичинден кокке атеш диреги котерильген ве шардыван киби таш ве къыгъылчымларны тѣкип сачкъан янардагъ фышкырувы башлагъан. Денъиз къап-къара олгъан. Ер юзю титремеге девам эткен. Бу титреме чѣльден акъып, топракъны байырларгъа чевирген. Иште, Денъизалты Укюмдарынынъ ачувы бу къадар шиддетли олгъан.

Бир къач ай инсанлар о ерлерден узакъта сакълангъанлар, амма сонъра бир къач джесюр яшны ёллап, койлерине не олгъаныны бакъмагъа къарар бергенлер. Генч огъланлар эр шейнинъ тынчлангъаны, амма энди узун къумлу ялынынъ олмагъаны хаберинен къайткъанлар. Саильнинъ ярысыны Денъизалты Укюмдарынынъ ачувы киби къара туюсю дагъ алгъан. Бойле бир туюс ичюн инсанлар о дагъгъа Къара дагъ адыны бергенлер. Дагънынъ аркъасында энди кенъиш чель дегиль де, байырлар ерлешкен. Амма яшамагъа мумкюн олгъан ялынынъ бир парчасы къалгъан. Энъ аджайип шей де – Къара-Дагъ янында генчлер таш кемерини коръген, онъа да Шейтан-Къапы адыны бергенлер. Бу къапылар – денъизнинъ тубюнден къутургъан янардагъ котерген денъизалты падишалыгъынынъ тылсымлы къапыларыдыр. Артыкъ бу киришлерден сув акъмагъан, денъиз еллери эскен. Денъизалты Укюмдарынынъ тылсымлы падишалыгъына кириш эбедиен гъайып олгъан экен. Укюмдарынынъ озюнен не олгъаныны ич

кимсе бильмеген. Тек Зумрут бабасы оларны кергинликнен незарет эткенини корьген. Къара-Дагънынъ тёпесинде къаялар арасында Зумрут къолайлыкънен онынъ къоркъунчлы бет сымасыны фаркъ эткен.

Инсанлар о ялыгъа къайтып, янъы эвлер къургъан, эвелькиси киби балыкъ авына чыкъып, аятларыны девам эткенлер. Денъизге чыкъкъан балыкъчыларнынъ йырлары эписи сербестлик ве тувгъан топракъта яшама бахты акъкъында олгъан.

Заманнен Къара-Дагъ от, чалылар ве чичеклернен къапланып, артыкъ, озь къаралыгъынен кимсени къоркъутмагъан. Кучьлю еллер, бир заманлары джоюлгъан денъизалты падишалыгъына къапы олгъан таш кемерининъ устюни джилялагъан ве бир заманлары денъизлер Укюмдарынынъ шеэринде къум парылдагъаны киби къабурчакъ ташынынъ садефи де кунеште йылтырагъан. Бу йылтырав ичюн инсанлар таш кемерине Алтын Къапы айтмагъа башлагъан, эски адыны исе унуткъанлар.

Иште, Ядгар бойле бир тюш корьген. Тувгъан топрагъына севги ве азатлыкъ дюньядаки бутюн зенгинликлерден даа да къыйметли олгъаны акъкъында бир тюш. Ве шимди бунынъ хатырасы оларакъ дюльбер Къара-Дагъ ве джоюлгъан падишалыкъкъа кириш олгъан Алтын Къапылар тура.

Сказка о Золотых воротах Крыма (Шейтан-Къапы)

В давние времена на восточном побережье Крыма, где сейчас расположен поселок Коктебель, жил молодой рыбак по имени Ядгар, что означает «всепомнящий». Ядгар жил в со своими пожилыми родителями, ловил рыбу и был благодарен Всевышнему за все, что имел.

Однажды, когда море было беспокойно и волны были слишком высокие, чтобы выходить на рыбалку, Ядгар пошел на берег и стал разглядывать прекрасный пейзаж родной бухты – горы, покрытые лесом и кустарником; морская бушующая гладь, упирающаяся в горизонт; холмы, расцвеченные полевыми цветами. Ветер играл его волосами, а шум прибоя сморил Ядгара так, что он крепко заснул и увидел необычный сон. В том сне берег, на котором спал Ядгар, оказался совершенно другим – не было величественной горы Къара-Дагъ, не было холмов, а море было тихим и спокойным. И рыбацкий поселок был неузнаваем – вместо сотни домов всего несколько бедных хижин. Что же случилось с родными местами Ядгара? Об этом и поведаст нам его сон...

Во сне Ядгара, в тех хижинах жили семьи бедных рыбаков. Не всякий человек осмеливался поселиться в тех местах, хотя море там было спокойное и ласковое и улов рыбы был всегда богатым. Рыбаки рассказывали, что неподалеку от берега было подводное царство Великого Повелителя всех морей. Подводный Царь имел тысячу красавиц-дочерей и похищал сильных молодых рыбаков, чтобы они женились на царевнах и жили в подводном царстве. Много юношей не вернулось из плавания, много слез было пролито их родителями. Потому люди и обходили стороной тот поселок.

Ядгар рос в бедной семье, которая не имела денег для переезда в более безопасное место. Поэтому мать юноши старалась уберечь сына от рыбацкого дела, хотя мальчик очень любил море и был смел и ловок. Однако, когда старик-отец заболел и не смог выйти в море за рыбой, мать смирилась, что единственный сын будет рыбачить для всей семьи. Ядгар быстро освоил рыбацкое дело и часто возвращался домой с большим

уловом. Однажды на своей лодке он заплыл дальше, чем обычно, закинул сети и стал терпеливо ждать, когда они наполнятся рыбой. Уже через некоторое время Ядгар почувствовал, что в сети что-то попало. Юноша обрадовался такому быстрому улову, и, когда почти вся сеть была вытащена из воды, он увидел, что в ней зацепилась не рыба, а девушка неземной красоты. Ее волосы струились вдоль плеч, глаза были изумрудными, а вместо одежды было красивое платье из рыбьей чешуи, которая сверкала на солнце и ослепляла Ядгара. Девушка взмолилась отпустить ее. Ядгар поспешил освободить пленницу из пут сетей и спросил: «Кто ты? Как тебя звать?!». Морская дева опустила ноги в воду, готовясь нырнуть в морскую пучину, и ответила с улыбкой: «Я дочь Подводного Царя, а зовут меня Зумруд, что значит "глаза изумрудного цвета"». Помахав на прощание рукой, девушка исчезла под водой. Ошеломленный необычной встречей Ядгар просидел какое-то время в раздумьях. Потом холодный ветер привел его в себя, и он снова закинул сеть. На этот раз она была полна рыбой. Ядгар вернулся домой хоть и поздно, но зато не с пустыми руками.

Время текло в обычном порядке, молодой рыбак продолжал выходить в море за рыбой, и каждый день думал о красавице Зумруд. Конечно, в поселке были девушки, которым Ядгар приглянулся. Если рыбак проходил мимо родника, иногда замечал, как какая-нибудь из юных односельчанок краешком губ улыбалась ему, а потом хватала свой кувшин, полный водой, и спешно удалялась, неся кувшин на плече. Но ни одна из девушек не была похожей на Зумруд...

Чтобы снова встретиться с морской красавицей, Ядгар стал рыбачить в том месте, где поймал ее своими сетями. Через какое-то время его ожидания оправдались, и к его лодке подплыла Зумруд. Она улыбнулась, поглядывая из-за волос, которые закрывали ее лицо, как марама. Ядгар был смущен и не знал, что и сказать, но Зумруд сама начала разговор.

– Ты не назвал свое имя в прошлую нашу встречу, но я плавала рядом с берегом и слушала разговоры людей из поселка и так узнала, как

тебя зовут. Мне очень нравятся люди, как они живут, чем они занимаются. Это так отличается от жизни в подводном царстве! Наконец, осмелев, заговорил и Ядгар:

– А я много слышал о подводном царстве, и мне было бы так интересно посмотреть, как в нем живет и что стало со всеми пропавшими молодыми рыбаками из моего поселка.

Лицо девушки омрачилось:

– Если ты побываешь в подводном царстве, то ты увидишь, что его жители намного богаче рыбаков в твоём поселке, потому что мой отец – Подводный Царь – щедр со своими подданными. Но эта щедрость должна быть оплачена свободой каждого жителя: никто не смеет покидать пределы царства. Твои соплеменники, женатые на моих красавицах-сестрах, тоже вынуждены распрощаться с мечтой увидеть родной берег.

– Как же ты приплываешь сюда и к берегу? – спросил молодой рыбак.

– Я не хочу жить той беззаботной, полной богатств жизнью взамен на мою свободу. Я хочу знать, что есть за пределами царства моего отца. Поэтому я разгадала заклинание, с помощью которого мой отец держит ворота подземного царства на запоре. Никто не знал это заклинание, кроме Подводного Царя, и никто не знает, что теперь и я владею этим секретом, – ответила морская дева.

В ту ночь, когда Ядгар вернулся домой, он не мог уснуть. Как помочь подводным жителям вернуть свою свободу? Как помочь бедным земным юношам, которые женаты на дочерях Подводного Царя, снова увидеть своих родителей? Ядгар дал себе слово найти способ помочь всем, а также найти путь к сердцу Зумруд.

В следующий раз, когда Ядгар вышел в море, там его поджидала Зумруд. Она одним движением руки наполнила лодку свежей рыбой и присела на борт, чтобы пообщаться с юношей. Ядгар рассказал ей о своих

чаяниях помочь подводным жителям и земным юношам, но, стесняясь, умолчал о том, что полюбил морскую девушку. Зумруд сначала отрицательно качала головой, не веря, что что-то может получиться, но потом, видя решимость рыбака, пообещала ему показать вход в подводное царство.

В назначенный день и время Ядгар ждал Зумруд. Ее долго не было. Уже начала сгущаться ночь, когда, наконец, сверкнула рыбная чешуя. Морская царевна дунула в лицо Ядгару и прочитала заклинание, чтобы он теперь мог дышать под водой, как она. И молодые люди, взявшись за руки, стали погружаться в темнеющие воды моря. Под водой платье Зумруд издавало такое сияние, что освещало путь заговорщикам. Ядгар был поражен красотой подводного мира и не заметил, как они подплыли к скале, похожей на арку. Рыбы спокойно проплывали через арку, и ничего не говорило о том, что это и есть ворота в загадочное царство подводного владыки. Зумруд произнесла заклинание и потянула за руку Ядгара.

Неожиданно вместо воды в проеме арки показались силуэты зданий, дорог, людей, повозок в виде раковин, в которые были впряжены огромные рыбы вместо лошадей. Подземный город очаровал юношу. Тут не росли деревья, а росли причудливые водоросли. Дома были отделаны ракушкой и перламутром. Песок, которым были посыпаны все дорожки, издавал особое сияние, да такое сильное, что город был освещен, как в солнечный день. Жители города были одеты богато, пестро и носили множество золотых украшений. Вся одежда была похожа на рыбью чешую, но разных расцветок, так что подводных модниц можно было увидеть издалека. В городе были не только дома жителей, но и лавки, в которых можно было купить все, что нужно. Были таверны, где вальяжно сидели завсегда, вокруг которых носились услужливые рыбки-официанты... Дааа... такого рыбак еще не видел никогда. Жители подводного царства были приветливы, улыбались при виде Ядгара и Зумрад, но когда узнавали, что юноша тайно приплыл в подводное царство без ведома самого Повелителя, испуганно озираясь по сторонам,

старались отойти от двух заговорщиков. Конечно же, молва о том, что в царство проник чужак, быстро донеслась до царских палат.

Вскоре появились охранники Подводного Владыки и вежливо попросили Зумрад с ее гостем поехать с ними. Песок освещал дорогу до царского дворца, который был расположен в огромной подводной скале. Казалось, что свет, который растекался по песку, лился как раз из-под той скалы. Это очень удивило Ядгара, но он не успел спросить Зумрад ни о чем, потому что повозки уже остановились, и молодых людей попросили пройти во дворец. Зумрад лишь успела прошепнуть Ядгару: «Не бойся, я обо всем позабочусь!» Как в это время открылись золотые врата палаты самого Владыки всех морей.

Подводный Царь был высоким и сильным, а его длинная борода сверкала сединой. Он восседал на величественном троне, услужливые рыбки выполняли любое его пожелание, стоило ему лишь посмотреть на них. Его одеяние было богаче, чем у кого-либо из подводных жителей, которых успел увидеть Ядгар. Несмотря на то, что Царь хмурил брови, Зумрад подбежала к отцу, обняла его за шею и расцеловала в щеки. Потом она устроилась к нему на колени, как маленькая девочка, и посмотрела на робеющего Ядгара.

Царь смягчил свой взор, Зумруд была его любимицей. Он подозревал рыбака, но не успел начать задавать свои вопросы, как Зумруд сама выложила ему почти все, что с ней случилось. Она рассказала, что тайком узнала заклинание, открывающее ворота в подводное царство, о том, что нарушила закон, не позволяющий покидать его пределы, о том, как познакомилась с Ядгаром, и как он был добр к ней. В продолжение своего рассказа Зумруд сообщила отцу о желании Ядгара посмотреть на величие подводного царства, но, конечно же, хитрая девушка не стала рассказывать о том, что заговорщики хотели бы дать свободу всем похищенным юношам.

Царь слушал внимательно рассказ своей дочери и тепло посмотрел на Ядгара, когда узнал, что его непослушная дочь была отпущена. После

того, как Зумрад закончила свою историю, Царь приказал накрыть столы для пира. Он усадил Ядгара рядом с собой и сказал ему:

– Ты видишь, как я богат, как хороша жизнь в подводном царстве. Нет никого красивей моих дочерей. Но и земные юноши прекрасны. И я убедился в этом еще раз после рассказа Зумруд. Ты мне нравишься, и Зумруд ты пришелся по сердцу. Объявляю тебя моим следующим зятем! Свадьбу назначаю прямо на завтра!

Ядгар не мог найти слов, чтобы ответить Царю. С одной стороны, он должен стать мужем Зумруд, о которой мечтал все время после первой их встречи. Но с другой стороны, его ждала судьба всех похищенных юношей – богатая жизнь в обмен на свободу. Зумруд прочитала замешательство на лице молодого рыбака. Она шепнула ему на ушко, что их план все равно в силе, несмотря на слова ее отца. Это вселило надежду в сердце Ядгара, и он сел пировать вместе со всеми гостями, которые заполнили царские палаты. Зазвучала музыка, принесли невиданные яства, Подводный Царь в самом хорошем духе встал и произнес речь за молодых:

– В качестве свадебного подарка хочу исполнить любое пожелание моего будущего зятя. Ядгар, проси, что хочешь, ни в чем тебе не будет отказа!

Ядгар обрадовался такой щедрости и тут же выпалил:

– Владыка всех морей, Подводный Царь, отец моей прекрасной Зумруд, благодарю тебя за такой подарок. Мое желание очень простое – подари свободу всем жителям подводного царства, открой ворота, пусть твои поданные увидят разные миры и будут восхвалять твою мудрость и щедрость по всем мирам!

Наступило тягостное молчание. Никто не ожидал такого дерзкого желания от гостя, который хитростью проник в царство, да еще получает в жены самую красивую царевну. Омрачилось и лицо Подводного Царя. Но что было делать? Он пообещал, что выполнит любое желание Ядгара. Царь встал, кивнул в сторону Ядгара, подтверждая, что его желание будет выполнено, и, молча, удалился в свои покои. Ошарашенные гости стали

расходиться. Ядгар был на седьмом небе от счастья. Как легко все получилось! И Зумруд будет его женой, и всех заложников освободят и отпустят! Но Зумруд не разделяла радости своего жениха.

– Ядгар, – начала разговор царевна. – Мой отец не только богат, но и обладает волшебной силой. Дело в том, что под скалой-дворцом бушует подземный огонь, это его свет вырывается из-под толщи и освещает песок так, что его сияние напоминают сияние солнца или тысячи лун. Мой отец умеет управлять тем огнем.

Никто не хочет испытывать ярость моего отца, зная, какая сила стоит за ним. Не к добру то, что отец дал свое согласие на освобождение всех похищенных... Чует мое сердце, что нас ждет беда...

– Что же теперь делать, Зумруд? – спросил обескураженный Ядгар. – Я готов пойти на все, чтобы спасти своих соплеменников. Давай узнаем, готовы ли они вернуться на землю?

Молодые люди скоро покинули дворец и пошли в дома, где жили сестры Зумруд. Все, и сестры, и их мужья, были испуганы и ожидали завтрашнего гнева Подводного Царя. Но, когда Ядгар стал рассказывать им про родные места, про ветер, который дует с моря, про запахи трав в степях, про теплый песок на берегу родной бухты, слезы навернулись у крепких мужчин. Никто не забыл, откуда он родом, никто не забыл, что такое быть свободным! Наконец, все согласились, что нужно уходить из царства этой же ночью, пока Повелитель морей не передумал. Вскоре один за другим бывшие рыбаки, их жены-царевны и дети стали покидать свои дома и направляться к воротам царства. Зумруд прочитала заклинание, и ворота раскрылись. Никогда еще подводный мир не видел такую огромную стаю проплывавших людей в красивых, сверкающей рыбьей чешуей, одеждах.

На утро все беглецы достигли берега, где их встречали жители рыбацкого поселка, которые уже не надеялись увидеть пропавших сыновей. Подводный Царь проснулся и сразу же послал за Зумруд и Ядгаром. Но ему сообщили о том, что Зумруд, Ядгар, все рыбаки и их

семьи

покинули

его

царство.

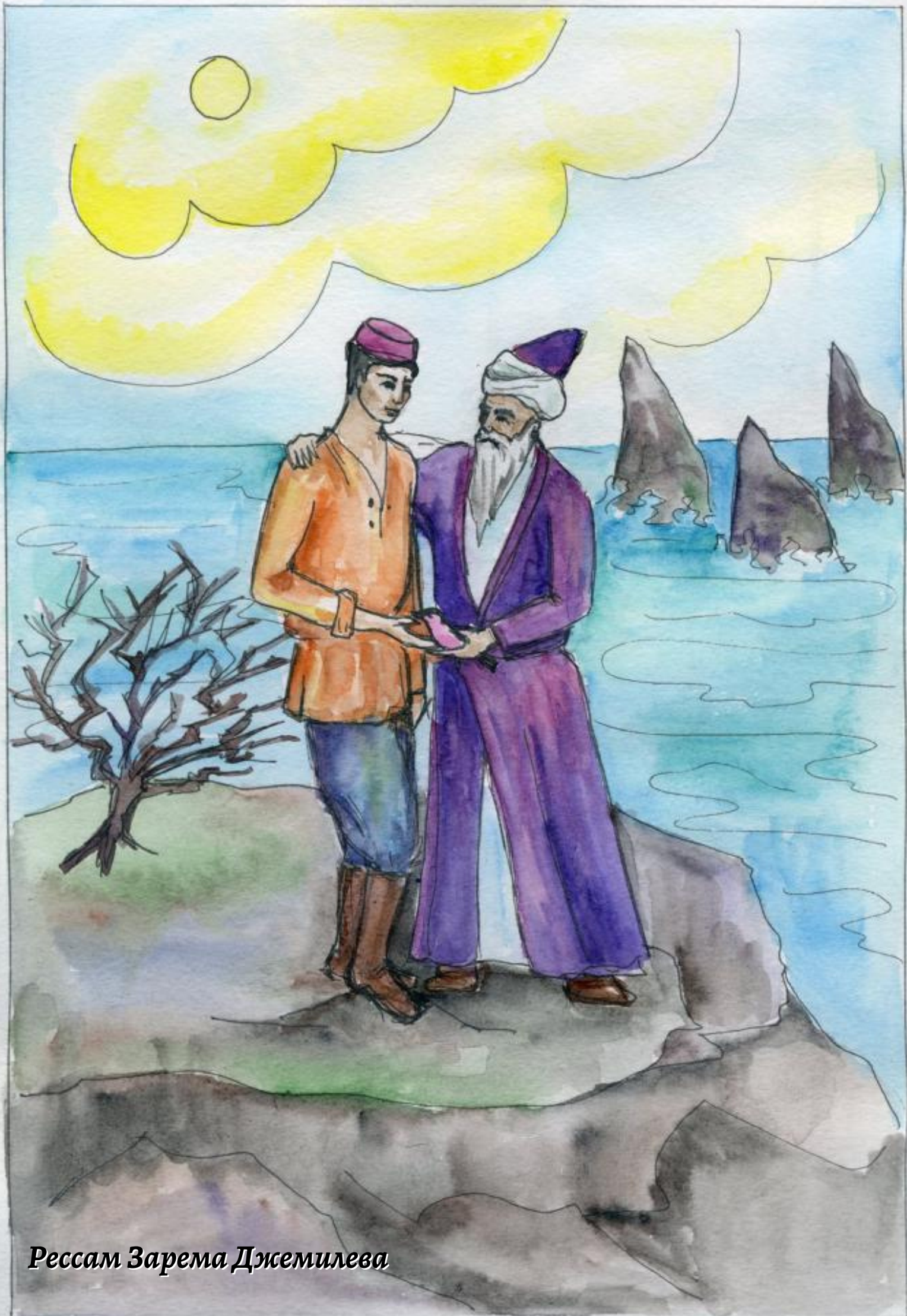
Такого удара Подводный Царь не мог никак ожидать. В ярости его лицо залилось красной краской, чешуя на его одежде потускнела и стала черного цвета. Борода завилась и стала похожа на кишущих змей. Подводный Владыка испустил такой громкий рык, что подземный огонь не выдержал и вырвался, разорвал песчаное дно, поднялся сквозь толщу камней и воды. Люди на берегу почувствовали, как затряслась земля под их ногами, волны на море стали подниматься выше человеческого роста. Зумруд поняла, что отец разгневан и стала всех уговаривать покинуть поселок. Люди стали спешно уходить, озираясь назад, чтобы увидеть, как столб огня взметнулся в небо прямо из моря, и началось извержение вулкана, фонтаном рассыпавшее камни и искры. Море стало черным. Земля продолжала содрогаться от дрожи. Эта дрожь потекла по степи за берегом и вздыбила землю в холмы. Да! Подводный Царь был разгневан не на шутку.

Несколько месяцев люди прятались далеко от тех мест, но потом решили послать смельчаков посмотреть, что же произошло с их поселком. Смельчаки вернулись с новостью: все успокоилось, только теперь нет длинного песчаного берега. Половину берега заняла гора такого черного цвета, как гнев Подводного Царя. За этот цвет люди и называли гору Къара-Дагъ – Черная Гора. За горой теперь непросторная степь, а холмы. Но остался кусочек берега все так же прекрасного для житья. Самое удивительное было то, что рядом с Къара-Дагъом смельчаки увидели каменную арку, которую они называли Шейтан-Къапы, что значит Ворота Дьявола. На самом деле это были те самые волшебные ворота в подводное царство, которые поднял со дна бушующий вулкан, и теперь не вода протекала в проеме ворот, а дули морские ветры. Вход в волшебное царство Подводного Царя был утрачен навсегда. Что случилось с самим Подводным Царем, никому не было известно. И только Зумруд знала, что ее отец пристально следит за своими сбежавшими на волю дочерьми. Грозный его профиль Зумруд легко различала в скалах на вершине Къара-Дагъа.

Люди вернулись на тот берег, построили новые дома, зажили как прежде, добывая себе на жизнь рыбацким делом. Песни, которые пели рыбаки, когда уходили в море, были все о свободе и о счастье жить на родной земле.

Со временем Къара-Дагъ покрылся травой, кустарником и цветами и уже не страшил своей чернотой. Сильные ветры отшлифовали поверхность каменной арки, бывшей когда-то воротами в утерянное подводное царство, и перламутр ракушечника стал блестеть на солнце, как когда-то светился песок в городе Повелителя всех морей. За этот блеск люди стали называть каменную арку Золотыми Воротами, а старое название почти забыли.

Вот такой сон приснился Ядгару. Сон о том, что свобода и любовь к родной земле дороже всех богатств. И как напоминание об этом стоит прекрасный Къара-Дагъ и Золотые Ворота в потерянное царство.

Рессам Зарема Джемилева

Гульгули сыгъырчыкъ акъкъында масал

Чокъ къадимий заманларда, адамлар даа машна, трен ве учакъларны тюшюнип чыкъармайып, ат ве арабаларда кезгенде, я да джаяв юрьгенде; койлю инсанлар ерни тракторнен дегиль де, сабаннен сюръгенде; Къырымнынъ Шаркъында, Керич ярымадасында бир кой бар экен. Онынъ сакинлери зираатчылыкънен огърашкъан. Чюнки о ерлернинъ топрагъы богъдай ве арышнынъ, эм де фаркълы себзелернинъ берекетлиligere пек зенгин экен. Кой ве ерли сакинлер Опук деп адландыргъан къаянынъ алчакълыгъында ерлешкен. Опук – опоп къуш къушнынъ ады манасыны ташыгъан. Инсанлар арасында бир къарт дервиш акъкъында ривает белли экен. О къарт, кириши кийик отларнен къапатылгъан къобада яшагъан. Онда вадийдеки топракъларны сувландыргъан ве оларны бойле берекетли япкъан бутюн ералты сувлардан анахтар сакълы экен. Истегенде о къарт дервиш опоп къушкъа чевирилген, амма оны ич бир вакъыт, ич кимсе коръмеген. О къая устюнде исе эр баарь юваларыны къурып, озь къуш балачыкъларыны осьтюрген пек чокъ опоп къушлар яшагъан. Койлюлер бу къушкъа сайгъынен даврана экен, чюнки оларнынъ эр бир данеси о къарт дервиш ола билген. Бу себептен олар Опук къаягъа чокъ бармайып, онынъ сакинлерини раатсыз этмегенлер.

Койде джанлы табиаткъа айры севгиси олгъан Мерамет адында бир яш огълан яшагъан. О ернинъ бутюн сакинлери киби о да богъдай осьтюрювинен огърашкъан. Мерамет оксюз олгъаны ичюн онынъ топракъ дамартысы пек яхшы олмагъан ве бундан себеп бол берекет топламакъ ичюн онъа чокъ эмек сарф этмек керек олгъан. Амма огълан агъыр иштен къоркъмайып, пек яхшы богъдай асрагъан. Бу богъдайны алмакъ ичюн тап Керичтен базиргянлар кельген. Къазангъан парасына Мерамет озюни ве онынъ эвинде яшагъан, онынъ аилеси олгъан чокъ сайыда олгъан дёртаякълы достларыны – мышыкъ ве копеклерни бакъкъан.

Бир баарь куню, богъдайлар осьмеге башлагъанда ве оларнынъ эр бир орькени энди яратылгъан башакъны устюнде ташып, ешерген тарлалар койлюлерге зенгин берекет береджегине умют догъургъанда койнинъ гъарпында къара бир булут корюнген. Амма бу ягъмур булуты дегиль экен. Бу къасыргъагъа ошагъан сарынчкъа ордусы учып, якъынлаша экен. Эр шейни ашап битирген боджек ордулары койнинъ

четине даа келип етмегендже, инсанларны якъынлашкъан телюке акъкъында хабердар этмек ичюн этрафтаки бутюн айванлар раатсызланып, сеслер чыкъармагъа башлагъанлар. Кой сакинллери озь эвлеринде сакъланып, бутюн пенджере ве къапыларыны къапатмагъа ашыкъкъанлар. Тек Мерамет тазе богъдай фышкъынларыны къуртармакъ ичюн тарласында уютсизликнен чапкъалай экен. Чюнки о бу тарлада башыны котермейип, пек чокъ кунъ чалышкъан! Саранкъа койге учып кельгенде, Мерамет тарласынынъ четинде тизлерине тюшип, юзюни эллеринен къапатып агълагъан. Бир къач кунъ ич тойып оламагъан боджеклер эмекдар халкънынъ эллеринен ишленген тарлаларда байрам сюръген. Олар учып кеткен сонъ, бутюн койлюлер эвлеринден чыкъып, гъайып этильген богъдайларына бакъып, къоркъкъанлар... Аман-аман эр шей ёкъ этильген ве койлюлерни ач бир сене беклеген...

Мерамет онынъ козьлерине шефкъатнен бакъкъан, къуйрукъларыны саллагъан ве гъарип оксюзни теселли этмеге тырышкъан озь эв айванлары этрафында отура экен... Бираз тынчлангъан сонъ, о къулюбесинден чыкъып, яваш-яваш койден Опук къая ёлунен кеткен. Генч огълан озю ве онынъ севгили дёртаякълы къардашлары насыл яшайджагъыны тюшинип, ёлчыкънен къаянынъ тёпесине кеткенини дуймагъан...

Апансыздан Мерамет эркмен чалыларында опоп къушны коръген. Къуш чалылардан чыкъмагъа тырышкъан, амма осюмликнинъ япышкъан тикенлери оны тутып, даа да чокъ яралагъан экен. Огълан опоп къушкъа ярдымгъа ашыкъкъан ве бираздан къуш эркмен чалыларындан чыкъарылгъан. Онынъ бир къаныты тырналгъаны ичюн, опоп къуш учып оламагъан, тек отлар ичинден ярамай корюнген ёлчыкънен таш таштан секирген. Мерамет буюклернинъ опоп къушларны раатсыз этмеге олмагъаныны насиатыны акълында туткъан, амма яралангъан къушнен эр шей яхшы оладжагъындан эмин олмагъандже, оны бойле къалдырып оламагъан. О учып юрьген опоп къушы артындан кетмеге къарар алгъан. Чокъ кечмеден къуш ве инсан къаянынъ тёпесине чыкъкъанлар. Мерамет токътагъанда Опук къаянынъ там тёпесинде олгъаныны анълагъан. Къаянынъ дигер тарфында денъиз корюнген ве денъизнинъ ялысындан узакъ олмагъан ерде елькенли гемиге ошагъан къаялар ерлешкен. Шу дакъкъада опоп къуш эки къанатыны тёпеге котерген, къушны ярыкъ булуты саргъан ве опоп къуш ерге къадар узун беяз сакъаллы къарт бир дервишке

чевирильген. Къарт адамнынъ урбасы эски, элинде ыргъакъы, сачында исе там опоп къушында олгъаны киби бир къач къанат бар экен. Мерамет корьгенинден мефтьюн олгъан. Ярыкъ булуты ёкъ олгъан ве къарт адам генч огъланнынъ янына якъынлашкъан:

– Селям алейкум, Мерамет, – хитап этти къарт инсан. – Эллерини эркмен чалыларында яраламакътан къоркъмайып, мени къуртаргъанынъ ичюн чокъ сагъ ол. Сен темиз гонъюлли, эйи юрекли огъаныны корем.

Мерамет адетке коре сайгъы косътерип, къартнынъ элини алгъан.

Дервиш огъланны ташкъа отурмагъа давет этип, омузында асылгъан чантасындан айретте къалдыргъан ренкте сыгъырчыкъны чыкъаргъан. Сыгъырчыкъ устюнде санки гульгули елек бар экен. Къарт адам къушны Мераметке узатып, онъа яхшы бакъмагъа риджа эткен. Сыгъырчыкънынъ бир къанаты там опоп къушында олгъаны киби яралы экен. Мерамет онынъ аджайип аилесине даа бир аза къошулгъанына пек къувангъан. Амма шу арада о ёкъ этильген берекетни хатырлап, козьашларыны тутып оламагъан. Къарт адам гъарип оксюзни тап о къадар не кедерлеткенини сорагъан. Мерамет сарынчкъа ве онынъ коюне кельген феякет акъкъында тариф эткен.

– Бизге келеджек баарьге етмек ве кене де богъдай сачмакъ ичюн мен озъ къардашларыма ве, артыкъ, бу сыгъырчыкъкъа да сонъки отъмек уфакъларыны бермеге азырым, амма къоркъам бунъа богъдай едегим етмейджек, – теляшнен айтты Мерамет.

– Къасевет этме, огълум, сенинъ богъдай едегинъ келеджек баарьгедже етер – деп джевап берген къарт дервиш.

Къартнынъ сёзлери мераметли оксюзнинъ къасеветли юрегине раатлыкъ кетирген. Къарт исе турып, ыргъакънен ерге ургъан ве кене опоп къушкъа чевирильген. Башыны саллап опоп къуш каянынъ тёпесине учып кеткен, огълан исе гульгули сыгъырчыкъны элинде тутып, ашагъа тюшмеге башлагъан.

Бутюн яз Мерамет къонъуз ве боджеклерни тутып, оларнен озюнинъ янъы достуны ашаткъан. Бутюн эв сакинлери гульгули сыгъырчыкъны пек яхшы, аджып къаршылагъанлар, пардошлар биле яралы къушкъа авлыкъ дие бакъмагъан. Эписи сыгъырчыкъ тездже тюзельгенини ве кене учкъаныны беклеген. Къыш пек сувукъ олмагъан

ве дервиш-опоп кѳуш айткѳаны киби кельген баарѳе кѳадар аш эписине еткен. Кунеш топракѳны кереги кѳадар кѳыздыргѳанынен, койлюлер тарлаларына ашыкѳып, ишлерине башлагѳанлар. Эписи озѳ эмегинен бол берекет осьтюреджегине пек кѳувана экен. Бу сене де сарынчкѳа кѳайтып, зарар берир деп, ич кимсе тюшюнмеге биле истемеген. Эписи тек яхшылыкѳкѳа инангѳан, келеджекке умютнен бакѳмагѳа тырышкѳан.

Гульгули сыгѳырчыкѳ кѳыш ичинде тюзельген ве кѳанатларыны чалыштырып, кѳулюбенинѳ дамы алтында учмагѳа башлагѳан. Акѳшамларнынѳ биринде Мерамет сабан сюрѳмектен эвге кѳайтып, кѳую сувундан ичмеге отургѳанда, ачылгѳан пенджеренинѳ кѳанатында онынѳ Опук кѳаядан кельген кѳушчыгѳы отургѳаныны корѳген. Кѳуш апансыздан кокке учты, санки «Бакѳынѳыз, мен кене учып олам» - дей эди, сонѳра исе тюшип, Мераметнинѳ омузына отургѳан. Генч огѳлан ведалашма вакѳыты кельгенини анѳлагѳан. О янѳы достуна о кѳадар багѳлангѳан ки, тап козѳлеринде козѳяшлар корюнген. Сыгѳырчыкѳ озѳ тилинде бир шейлер йырлап, сонѳра явашчыкѳтан Мераметнинѳ янагѳына токѳунып, тѳпеге котерилип, Опук кѳая тараѳына кеткен...

Мерамет бутюн баарѳ токѳтамайып, чалышкѳан. Онынѳ иши эписининѳ козю огюнде олгѳан – Мерамет тараѳындан ишленген тарлалар энѳ бакѳымлы ве энѳ чокѳ умют береджи экен. Кечкен сене киби сарынчкѳа гѳарптан келип, эмек халкѳны берекетсиз кѳалдыраджакѳ вакѳыты якѳынлашкѳан. Ве, не языкѳ ки, бу вакѳыт кельген. Кене койдеки копеклер теляшнен увулдамагѳа, сыгѳырлар кѳоркѳунен мунѳремеге башлагѳан, мышыкѳлар эвлерге сакѳлангѳан. Олар эписи эр шейни ѳкѳ эткен боджеклернинѳ ордусынынѳ якѳынлашкѳаныны дуя экен. Кунѳлерден биринде уѳукѳ кѳараргѳан. Инсанлар якѳынлашкѳан фелякетни корип, дешетнен эвлери огюнде кѳатып кѳалгѳанлар. Апансыздан бинѳлернен кѳанат шувултысы эшитильген. Амма бу шувулты шаркѳтан, Опук кѳая тараѳындан кельген. Инсанлар о тараѳкѳа чевирилип, сеслернинѳ себебини бильмеге истегенлер. Бу сеслер – гульгули сыгѳырчыкѳларнынѳ кѳанат сеслери экен. Бу кѳушлар сарынчкѳанынѳ энѳ буюк душманлары экен. Кѳушлар сюрюси ач боджеклернинѳ ордусына коре даа да тез якѳынлашкѳан. Сарынчкѳа тарлаларнынѳ кенарына кельгендже, сыгѳырчыкѳлар душманларгѳа уджюм эткенлер. Чарпышма башлагѳан. Койлюлерден ич кимсе эвлерине кирмеге истемеген, эписи урушма ненен битеджегини бильмеге истеген. Якѳын вакѳытта кунѳ батышы уѳукѳны парлакѳ

ренклернен кѡаплагѡан. Инсанлар кѡайткѡан сыгѡырчыкѡлар сюрюсини ве оларнынѡ аркѡасындан темиз кокни корьгенлер. Бу бир гѡалебе эди! Койнинѡ бутюн сакинлери кѡувангѡан, бири-бирини кѡучакѡлап, кѡуртарылгѡан берекетнен хайырлай экен. Инсан башларынынѡ устюнден учкѡан кѡушлар сюрюсинден бир кѡуш айырылып, Мераметке якѡынлашкѡан. Бу мераметли огѡлан бакѡып чыкѡкѡан гульгули сыгѡырчыкѡ экен. Сыгѡырчыкѡ онынѡ омузына отурып, чивильдемеге башлагѡан. Буны корьген инсанлар кѡушнынѡ чивильдисинден бир шей анѡламагѡан, тек айрет ичинде олгѡан Мерамет сыгѡырчыкѡнынѡ лакѡырдысыны анѡлагѡан. Кѡуш гульгули сыгѡырчыкѡлар эр баарь ве язда Опук кѡаяда яшайджакѡларыны ве бу койнинѡ тарлаларыны кѡаравуллайджакѡларыны айткѡан. Айны вакѡытта, о, кѡарт дервиш Мераметке эйи юрекли олгѡаны ичюн айван ве кѡушларнынѡ тиллерини анѡламагѡа имкяныны багѡышлагѡаныны, амма бу бахшыш гизли тутулмакѡ керек олгѡаныны хабер эткен. Бу сѡзлерден сонѡ гульгули сыгѡырчыкѡ озюнинѡ чокѡ сайыда олгѡан кѡардашларына кѡошулып, Опук кѡаягѡа кѡайткѡан.

Бундан сонѡ инсанлар гульгули сыгѡырчыкѡ ве дервиш-опоп кѡушнынѡ ишанчлы кѡорумасы алтында олгѡанларыны билип, артыкѡ, сарынчкѡа ордуларындан кѡоркѡмагѡанлар.

Мерамет узун ве пек гузель аят яшагѡан. О, айван ве кѡушларнынѡ тиллерини бильген сонѡ, оларны тедавийлемеге огренген ве тезден белли байтар олгѡан. Мерамет озѡ баллары ве торунларыны этрафтаки табиатнен аэнкликте яшамагѡа огреткен. Онынѡ бу бильгилери несиль несильден акѡтарылгѡан. Гульгули сыгѡырчыкѡлар исе янѡы несиллерни осьтюремек ичюн шимди де эр баарь Опук кѡаягѡа келелер.

арыш - рожь

эркмен - репейник

ыргѡакѡ – посох

богѡдай едеги – запас пшеницы

байтар – ветеринар

Сказка о розовом скворце

Давным-давно, во времена, когда люди еще не придумали автомобиль, поезд и самолет, а ездили на лошадях и повозках, а то и вовсе ходили пешком; когда крестьяне вспахивали землю плугами, а не тракторами; на востоке Крыма, на Керченском полуострове стояло село. Жители его занимались земледелием, так как земля в тех местах давала хорошие урожаи пшеницы и ржи, а также всевозможных овощей. Село располагалось в низине под горой, которую местные жители звали Опук, что означает Удод. Ходило поверье что в пещере, вход в которую укрыт дикими травами, живет древний старец, дервиш который умел превращаться в птицу удода и который хранил ключи ко всем подземным источникам, орошающим землю в долине и делающей ее такой плодородной. Никто никогда не видел того старца, а гора была облюбована удодами, где они гнездились и выводили своих птенцов каждую весну. Сельчане почитали эту птицу, ведь любая из них могла быть тем самым дервишем, а потому старались не ходить на гору Опук и не тревожить ее обитателей.

В селе жил молодой парень по имени Мерамет, что значит добрый, который отличался особенной любовью ко всему живому. Так же, как все в селе, Мерамет занимался выращиванием пшеницы. Он был сиротой, и в его наделе были не самые лучшие участки земли, которые требовали много труда, чтобы вырастить хороший урожай. Но парень не боялся тяжелой работы, и его пшеница была одной из лучших, за которой приезжали купцы аж из самой Керчи. Вырученные деньги Мерамет тратил на то, что кормил себя и своих многочисленных четвероногих друзей - кошек и собак, которые жили в его хижине и были его семьей.

Однажды весной, когда поросль пшеницы уже пошла в рост, и каждый стебелек нес на себе только что образовавшийся колос, когда зеленеющие поля радовали глаза сельчан и обещали обильный урожай, на западе надвинулась черная туча. Но это была не дождевая туча. Это летела орда саранчи, похожая на смерч. Еще до того, как полчища прожорливых насекомых достигли окраин села, все животные стали издавать знаки беспокойства, предупреждая людей о надвигающейся опасности. Жители села поспешили укрыться в своих домах и закрыть все окна и двери. И только Мерамет, отчаявшись спасти молодую поросль пшеницы, метался по своему полю, ведь он работал не разгибая спины

столько долгих дней! Когда саранча прилетела в село, пожирая все на своем пути, Мерамет упал на колени на краю своего поля, закрыл лицо руками и заплакал..Несколько дней ненасытные насекомые пировали на полях, возделанных тружениками. А когда они улетели дальше, все село вышло из домов и ужаснулось потерям...Практически все было уничтожено, и селян ждал очень голодный год...

Мерамет сидел в кругу своих домашних питомцев, которые ласково заглядывали в глаза хозяину, виляли хвостами и старались утешить бедного сироту...Немного успокоившись, Мерамет вышел из хижины и медленно побрел по дороге, ведущей из села прямо к горе Опук. Парень так задумался над тем, как придется выживать ему и его любимым четвероногим братьям, что не заметил, что уже брел по тропинке наверх в гору...

Вдруг в кустах репейника Мерамет увидел удода, который пытался выкарабкаться, но цепкие колючки не отпускали птицу и ранили ее. Парень бросился помогать удоду, и вскоре птаха выпорхнула из репейника. Так как одно крыло было исцарапано, удода не смог взлететь, и только перескакивал с камня на камень вдоль еле видимой тропинки в траве. Мерамет помнил наказание старших не тревожить удодов, но не мог оставить раненную птицу вот так, не зная что с ней все будет в порядке. Он решил последовать за порхающим удодом. Вскоре птица и человек забрались высоко в гору. Когда Мерамет остановился, то увидел, что он почти на самой вершине горы Опук и с другой стороны видна гладь моря, а недалеко от берега скалы, похожие на парусники. В эту минуту удода поднял оба крыла вверх, и облако света окружило птаху, а удода превратился в древнего старца- дервиша с длинной до земли белой бородой. Старец был одет в ветхую одежду, в руках у него был посох, а в волосах у него было несколько перьев, совсем, как хохолок у удода. Мерамет стоял зачарованный. Свечение пропало, и старец подошел к парню.

-Селям алейкум (здравствуй), Мерамет,- произнес старец,- Сагъ ол (спасибо) тебе за то, что ты не побоясь изранить руки, освободил меня из плена репейника. Я вижу, что душа твоя чистая, а сердце доброе.

Мерамет, согласно адетам (обычаям), поцеловал руку пожилому человеку в знак уважения.

Дервиш пригласил юношу присесть на камень и достал из сумы, что свисала у него на плече, скворца необычной раскраски – на скворце как будто была надета розовая жилетка. Старик протянул птицу Мерамету и попросил его ухаживать за ней. Тут юноша заметил, что одно из крыльев скворца было поранено совсем, как у удода, за которым он шел наверх в гору. Конечно же Мерамет был рад новому пополнению в его необычной семье. Но тут он вспомнил об уничтоженном урожае, и слезы потекли из его глаз. Старик спросил, что так опечалило бедного сироту. И Мерамет рассказал о саранче и бедствии, которая пришла в его село.

-Я готов отдать последние крошки для моих братьев и теперь для этого скворца, чтоб мы могли дожить до следующей весны, и снова посеять пшеницу, но боюсь у меня не хватит на это запасов, - с тревогой сказал Мерамет

-Не волнуйся, огълум (сынок), твоих запасов хватит до следующей весны, - ответил ему дервиш.

Слова старца внесли успокоение в встревоженное сердце доброго сироты. А старик встал, стукнул посохом и снова обернулся удодом. Кивнув головой с хохолком, удод улетел к самой вершине, а юноша стал спускаться вниз, неся розового скворца к себе в хижину.

Все лето Мерамет ловил жучков и букашек и кормил своего нового друга. Все домашние обитатели приняли розового скворца очень хорошо, даже коты не смотрели на раненную птицу, как на добычу. Все хотели, чтобы скворец поскорее поправился и снова мог летать. Зима выдалась не очень холодной, и как говорил дервиш-удод, еды хватило до начала новой весны. Как только солнце достаточно нагрело землю, сельчане заспешили на свои поля, радуясь тому, что могут своим трудом вырастить богатый урожай. Все старались отогнать мысли о том, что саранча может вернуться на этот год. Всем хотелось верить в самое лучшее.

Розовый скворец поправился за зиму и летал под крышей хижины, разминая свои крылья. Одним вечером, когда Мерамет вернулся с поля только закончив пахоту, и присел, чтобы выпить колодезной воды, он увидел, что на створке распахнутого окна сидит его питомец с горы Опук. Птица вдруг взмыла вверх в небо, как бы говоря - Смотрите, я снова могу летать! - а потом спустилась и села на плечо Мерамету. Юноша понял, что это настал момент прощания. Он так привязался к своему новому другу, что слезы навернулись на глаза Мерамета. Скворец защебетал что-то на

своим птичьим языком, потом слегка коснувшись крылом щеки Мерамета, взлетел и полетел в сторону горы Опук....

Всю весну Мерамет трудился, не покладая рук. И результаты его труда были видны всем - поля возделанные Мераметом были самыми ухоженными и самыми многообещающими. Подходило то время, когда саранча могла вернуться с запада и снова оставить тружеников без плодов их труда. И к сожалению этот момент настал. Снова беспокойно завывали собаки в селе, замычали коровы, попрятались в дома кошки. Они чуяли приближение смертельной стаи прожорливых насекомых. Небо на горизонте потемнело. Люди в ужасе застыли у своих домов, видя надвигающуюся беду. Вдруг послышался шум тысячи крыльев, но с другой стороны, с востока, со стороны горы Опук. Люди стали всматриваться, что же идет к ним с той стороны. Это была стая розовых скворцов, главных врагов саранчи. Стая приближалась намного быстрее, чем полчища прожорливых насекомых. И еще до того, как саранча достигла кромки полей, скворцы уже налетели на приближающегося врага. Началась схватка. Никто из сельчан не хотел уходить в дома, все ждали чем же закончится бой. Вскоре закат покрыл яркими красками горизонт, и люди увидели возвращающуюся стаю скворцов, а за ней чистое небо. Это была победа! Все жители села возрадовались, обнимали и поздравляли друг друга со спасенным урожаем. Из пролетающей над головами людей птичьей стаи, выбилась одна птица и подлетела к Мерамету. Это был тот самый розовый скворец, которого выходил добрый юноша. Скворец сел на плечо и защебетал что-то. Никто из видевших это, не мог понять ни слова из щебетания птицы, только удивленный Мерамет понимал речь скворца. Птица ему поведала, что теперь розовые скворцы будут жить на горе Опук каждую весну и лето, и будут стоять на страже полей этого села. А также, что дервиш даровал Мерамету за его доброе сердце возможность понимать язык зверей и птиц, только этот дар должен быть сохранен в секрете. После всего сказанного, розовый скворец присоединился к своим многочисленным братьям и вернулся на гору Опук.

С тех пор люди перестали бояться полчищ саранчи, зная, что они под надежной защитой розового скворца и дервиша-удода.

Мерамет прожил долгую и удивительную жизнь. Так как он познал язык животных и птиц, он научился их лечить и скоро стал известным ветеринаром. Своих детей и внуков Мерамет учил, как жить в гармонии с

окружающей природой. И это знание передавалось из поколения в поколение. А розовые скворцы каждую весну прилетают на гору Опук, чтобы вырастить новое потомство.

Рессам Зарема Джемилева

Къызылчыкъ татлысы

Инсанларнынъ агъыз дады айры деп айталар. Эр биримиз ичюн Къырымнынъ дады чешит ве айры лезеттедир. Амма биз эпимиз бераберликте эждатларымызнынъ азиз топракъларында яшагъан инсанларнынъ лезетлеринден, санки чешит ренкли ташчыкълардан пек дюльбер бир орьнекни топлап олурмыз. Ве бу орьнекте арткъач ич бир шей олмайджакъ, эр бир лезет озъ еринде оладжакъ!

Меним ичюн Къырым – бу тек озъ Ватанымда лезетини алгъаным къызылчыкъ татлысынынъ дадыдыр. Къызылчыкъ татлысы – бу бираз серт, азчыкъ экшиси олгъан, агъызны топлагъан хусусий бир татлыдыр. Къызылчыкътан пиширильген татлы – о оськен Къырым топрагъынынъ бутюн ренклерини тасвирлеген лезетнинъ аэнкли чешитидир.

Келинъиз, азбарда кузь олгъаныны тасавур этейик. Къызылчыкъ пишти ве анамыз ондан татлы пишире. О итинанен къайнагъан татлынынъ устюнден гульгули копюкни ала, татлынынъ гузель къокъусы исе эвнинъ бутюн кошелерине даркъала. Энди исе бутюн аиле достане бир муитте къызылчыкъ татлысынен чай ичкен бир къыш акъшамыны тасавур этейик. Чай ичкен сонъ тувгъан Къырым акъкъында эфсаневий икяенинъ заманы...

Чокъ заманлар эвель бир койде эки оксюз тата-къардаш яшагъан. Буюги самимий, шенъ, мераметли ве назик экен. Бойле олгъаны ичюн койде онъа Джанлы айткъанлар. Кучюги исе ярамаз, инат ве эр вакъыт мемнюн олмагъан бириси экен. Бундан себеп онъа Джарыз дегенлер. Къызлар эски бир эвде яшагъанлар. Эв ишлеринен огърашып, олар зенгин бир къадында алтын нагъышлагъанлар.

Кунъде бир кере къызлар гугюмлерини алып, чокъракъкъа бара экен. Джанлы даима хош бир эзги йырлагъан ве онынъ гугюми пек тез сувнен толгъан. Джарыз исе гугюми сув толгъаныны беклемеге ич бир вакъыт сабыры етмеген. Чокъракътан къайткъанда Джанлы шенълик иле таштан ташкъа атлагъан ве сувнынъ бир дамласыны биле ерге септирмеген. Джарыз исе ёлундаки бутюн ташларнынъ этрафыны айланып, йырламагъан, тек буруны тюбюне мырылдангъан, эвге къадар исе сувнынъ бир къысмыны тозгъа сачып-тёкип, тек гугюмнинъ ярысыны кетирген.

Къызларнынъ экиси де тездже эвленмеге умют эте экен. Амма фукъареликтен себеп оларгъа къудалыкъкъа ич кимсе кельмеген. Оларнынъ рахметли ана-бабалары нишан оларакъ бир шей къалдырып оламагъан. Амма тата-къардаш умютсизленмеген, чюнки олар дюльбер ве алтын йип нагъышында пек уста экенлер. Келеджекни олар бахтлы оладжакъларыны, эвлери, мераметли омюр аркъадашлары ве чокъ баллары олгъаныны тасавур эткенлер.

Къызлар чалышкъан къадын оларгъа чокъ акъча бермесе де, басма кесечиклерини алмагъа рухсет эткен. Тата-къырдаш эвде бош дакъкъалары олгъанда басма кесечиклеринден сатылыкъ бир шей тикмеге тырышкъанлар. Джанлы чичек, Джарыз исе эндесевий (геометрик) орънеклерини нагъышламагъа севген. Базарда чичек орънеклеринен нагъышлангъан махсулатлар даа да яхшы сатылгъан, амма ярамаз къыз бунен разы олмайып, джан сыкъыджы шекиллерни япмагъа девам эткен. Мераметли къыз кучюк къардашынынъ джаны агъырмасын деп, геджелернен сессиздже турып, инат къызнынъ нагъышына озюнинъ муджизевий орънеклерини иляве эткен.

Куньлернинъ биринде къызлар сатылыкъкъа чокъ мал тикип, базаргъа кетмеге къарар алгъанлар. Япкъан ишлери ичюн бир къач кумюш акъча къазанмагъа ве оларны нишан оларакъ къалдырмагъа ниетленгенлер.

Олар тозлу ёлдан кеткенде Джарыз даима кескин ташларгъа, сыджакъкъа, агъыр такъдирине шикъет эткен, чюнки о джаяв юрьмеге дегиль де, атлы арабада юрьмеге ляйыкъ экен. Джанлы исе тебессюмнен бакъып: «Бираз къалды, азиз къардашым. Истесенъ, санъа сепетинъни алып кетмеге ярдым этейим?», – деп къардашынынъ кейфини котермеге тырышкъан. Бойледже, къызлар Къырымнынъ энъ зенгин базарлары олгъан Къарасув шеэринен барып еткенлер.

Тата-къардаш алтыннен нагъышлагъан тикиджицерининъ сырларына кечип, озъ малларыны ерлештирген ве тез вакъытта оларны саткъанлар. Юкъусыз геджелернен япкъан эмеклери ичюн оларгъа он кумюш бергенлер.

Эвге къайтмакъ ичюн азырланма вакъыты кельген, амма Джарыз инатланып, кетмезден эвель базардаки бутюн малларыны бакъмагъа истеген. Тюкян-тюкяндан кезип, къызлар бир заманлары оларда да чокъ акъча олгъаныны ве олар бутюн истеген шейчиклерни аладжакъларыны

арзу эткенлер. Джарыз зенгин бирисинен эвленсе, якъын вакъытта бегенген фес, аякъкъап, я да къушакъ ичюн къайтажагъыны бир къач сатыджыны ишандыргъан. Сатыджы къадынлар онынъ сёзлерини тебессюмнен къаршылагъанлар. Джанлы къардашы сечкен фес ве къушакъны бегенсе де, утанып сес чыкъармагъан.

Бутюн тюкянлар бакъылгъан сонъ, къызлар чыкъышкъа догъру кеткенлер. Базарнынъ араба къапысында чал сачлы къарт тура экен. Мераметли Джанлы къарт бир шейге пек кедерленгенини корьген. Джарыз онынъ таныш олмагъан инсаннен лакъырдыдан токътатмагъа истеп, енъинден чексе де, Джанлы бир шейге бакъмайып, къарт инсаннынъ янына баргъан.

– Сизге бир шей олдымы, къартбаба?, – деп сорагъан Джанлы.

– Вай, балам, – вайвалдамагъа башлагъан къарт. – башыма бир феякет тюшти. Доландырыджылар мени алдатып, фидан сатышындан къазангъан бутюн акъчаларымны алдылар. Энди эвге къорантама не алып кетейим?

Джанлы тюшюнмейип, он кумюши сакълангъан явлучыкъны ачып, оларны къарткъа узаткъан. Джарыз бир шей айтмагъа биле етиштирмеген!

– Къартбаба, бу акъчаларны алынъыз, – деп айтты Джанлы. Мен ве къардашым оларны эмегимизнен къазандыкъ. Биз гедже-кунъдюз тикип, нагъышлап, даа къазанырмыз. Сиз къасевет этменъиз, алынъыз бу ярдымны.

Къарт къызнынъ мераметинден шашып къалгъан. Ярамаз къыз исе къызарып, татасына да, къарткъа да къычырмагъа азырлангъан экен. Амма къарт адам чувалгъа узанып, андан эки фидан чыкъаргъан.

– Мераметли къызлар, менде тек бу бар. Мен ярдымынъызны къаршылыкъсыз алып оламам. Сиз бу фиданларны алынъыз ве багъчанъызда сачынъыз. Оларны севгинен осьтюринъиз ве эмегинъизнинъ мейваларындан пек мемнун олурсынъыз, – деп къарт адам фиданларны къызларгъа узаткъан.

Джарыз фиданларгъа атылгъан. О биринджиден япракълары чокъ олгъан фиданны алгъан, амма онынъ сапы тикенли экен. Сонъра о, экинджи – тикенсиз фиданны алгъан. Джанлыгъа исе тикенли фидан

къалгъан. Къызлар къарткъа минетдарлыкъ бильдирип, койлерине къайткъанлар. Ёл бою Джанлы эллерини тикенлерге санчып, шенъ куле экен, Джарыз исе «Сен пек мераметли олгъанынъ ве бутюн акъчаларымызны бу керексиз фиданларгъа бергенинъ ичюн бу шекильде джезаланасынъ!», – деп текрарлагъан.

Тата-къардашлар эки фиданны багъчаларында сачкъанлар. Джанлы эр кунъ чокъракътан толу гугюм сув кетирип, озъ фиданыны яхшы суваргъан. Джарыз исе тембелленип, толу гугюм сув кетирмеген ве онынъ фиданы тек яры-ярыгъа суварылгъан...

Арадан эки йыл кечкен. Бир баарь куню эки чалы чичек ачкъан. Якъын вакъытта устюнде ешилъ бурьтукъ емишлери корюнген. Тикенли чалыда ахудут емишлери, тикенсиз чалыда исе – къзылчыкъ оськен. Ахудут язнынъ сыджакъ кунеши алтында тез пишкен ве якъын вакъытта Джанлы къардашы ве бутюн къомшуларыны пишкен емишлернен сыйлагъан. Джарыз онынъ емишлери тез пишмегенине ве оларны кимсенен пайлашмагъа керек олмагъанына къувангъан.

Ниает кузьде къызылчыкъ та пишмеге башлагъан. Джарыз кимсеге бир емиш биле тюшмесинъ деп, терегине пек мукъайт олгъан. Ниает, емишлер шыранен толгъан сонъ, о бир данесини къопарып, оны зевкънен агъызына къойгъан. Амма къызнынъ агъызы татлы дам ерине экши ве агъув дадынен толгъан. «Ах, сен алдатыджы къарт! Сен емишлер татлы оладжакъ деп айттынъ, нетиджеде исе менде не оськен?», – деп къычырмагъа башлагъан Джарыз.

Джанлы кейфсиз къардашыны тынчландырмагъа тырышкъан. О емишлерни топлап, ювгъан ве шекерден шербет пиширип, онъа къызылчыкъны къойгъан. Чокъ кечмеден оксюз къызларнынъ эвини мисли олмагъан къокъу саргъан. Шербет къырмызы тюсни алгъанда ве емишлер озюне шербетни чекип, къабаргъанда, къызлар татлынынъ леззетине бакъып, оны пек бегенген, мемнюн къалгъанлар. Ярамаз Джарызнынъ юзюнде биле муляйым тебессюм корюнген. Бираз вакъыт кечкен ве койдеки бутюн адамлар Джарызгъа бакъып, пек къуванмагъа башлагъан. Къыз пек денъишкен – мунис ве шенъ олгъан. Аджеба, бу денъишмелер къызылчыкъ татлысынынъ тылсымлы тесиринден олгъанмы?

Оксюз тата-къардашнынъ янъы татлыларынынъ шан-шурети бутюн этрафкъа яйылгъан. Онынъ акъкъында Къарасувбазарнынъ

башкъа тарафында, узакъ бир коюнде яшагъан Селим адлы яш бир огълан да эшиткен. Джанлы ве Джарыз эписини къызылчыкъ татлысынен сыйлагъан байрамларындан биринде, Селим Джарызны корип, онынъ дюльберлигине ве гузель ахлякъына севда олгъан.

Бир джума кунюнде, джума намазындан сонъ, оксюз къызларнынъ эв къапусыны къудалар къакъкъан. Джарызнен Джанлы мусафирлерге къапуны ачып, айретте къалгъанлар. Мусафирлерден бириси севда олгъан огъланнынъ бабасы – оларгъа фиданларны эдие эткен къарт экен. Олар джан-юректен корюшювге къувангъанлар. Къарткъа сайгъы косътерип, элини алгъан, эвлерининъ тёрюне отурткъанлар. Къызлар, къызылчыкъ чалысынынъ ярдымынен «эгер умютсизликке тюшмесенъ, бутюн кыйынлыкъларны енъип олурсынъ», деп фикирге кельгенлерини тариф эткенлер. О заман экиши лезет татлыгъа чевирилир.

Чокъ вакъыт кечмеден Джарыз ве Селим эвленип, Къарасувбазарнынъ узакъ бир коюнде яшамагъа башлагъанлар. Бир сене сонъ исе Джанлынынъ да тою олгъан. Къызлар арзу эткенлери эр шейни эльде эткенлер.

Келинъиз, биз де ич бир вакъыт умютсизликке тюшмейик, эр бир маниаларны эминликнен кечип оладжагъымызны билейик. Етер ки, бизим тюшюндже ве фикирлеримиз темиз олсун! Келинъиз, Ватанымыз Къырымымызнынъ, онынъ аджайип халкъынынъ энъ яхшы такъдири олсун деп хаял этейик ве о заман, иншаллах, хаяллар керчек олур!

КЫЗЫЛЧЫК ТАТЛЫСЫ (КИЗИЛОВОЕ ВАРЕНЬЕ)

Говорят, что о вкусах не спорят. Поэтому для каждого из нас вкус Крыма будет разным. Но в целом все вместе мы можем собрать прекрасную мозаику, составленную из вкусов людей, проживающих на этой благодатной земле, и ничего лишнего в ней не будет, каждый вкус будет на своем месте.

Для меня Крым - это вкус кизилового варенья (кызылчык татлысы), которое я пробовала только у себя на Родине. Это особенное угощение, немного терпкое, вязущее, с кислинкой - гармоничная палитра вкуса, отражающая все краски крымской земли, на которой растет эта ягода.

Давайте представим, что на дворе осень, кизил поспел, и мама варит из него варенье, снимает розовую пенку с кипящей массы, а душистый аромат разбегается по всем уголкам дома. А потом представим зимний вечер, вся семья дружно пьет чай с кызылчык татлысы. После чаепития - время для сказочной истории о родном Крыме....

Давным-давно в одном селе жили две сестры-сиротки . Старшая была душевная, веселая, добрая и покладистая. За это в селе ее прозвали Джанлы. А младшая была вредной, упрямой и всегда недовольной. За это ее прозвали Джарыз. Девушки жили в стареньком доме, занимались хозяйством и работали злотошвейками у одной богатой дамы.

Раз в день девушки спускались с кувшинами к роднику. Джанлы всегда напевала приятную мелодию, и ее кувшин быстро наполнялся водой. А у Джарыз никогда не хватало терпения дождаться пока кувшин наполнится. Возвращаясь с родника, Джанлы весело перескакивала с камня на камень и не расплескивала ни капельки. Джарыз же обходила все камни на пути, не пела, а только ворчала что-то себе под нос, и доносила до дома лишь половину кувшина, расплескав часть воды в пыль.

Обе девушки мечтали поскорее выйти замуж, но никто к ним не сватался, уж больно бедные они были, а покойные родители не смогли им оставить ничего в качестве приданного. Но сестры не отчаивались, они были очень красивы, да и были мастерицами в вышивании золотыми нитями. Так что будущее им грезилось счастливым, в котором будет и дом полная чаша, и добрый муж, и много детей.

Богатая дама, у которой работали девушки, платила им не щедро, но разрешала забирать обрезки ткани, лоскуты. Дома, в свободную минуту девушки старались сшить из лоскутов что-нибудь на продажу.

Джанлы любила вышивать цветочные узоры, а Джарыз - геометрические. На рынке большим спросом пользовались изделия с цветами, но сестра-вредина не хотела с этим соглашаться, и продолжала вышивать скучные фигуры. Тогда добрая сестра, чтобы не расстраивать младшую, тихо вставала по ночам и дополняла вышивку упрямыцы своими чудесными узорами.

Однажды девушки сшили много товара на продажу и решили пойти на рынок, чтобы выручить за свою работу несколько серебрянных монет (кумуш), чтобы отложить эти деньги в качестве приданного.

Пока они шли по пыльной дороге, Джарыз постоянно жаловалась на острые камни, на жару, на то, какая у нее нелегкая доля, ведь она заслуживает не ходьбы пешком, а поездки на бричке с лошадей в упряжке. А Джанлы только улыбалась в ответ и подбадривала сестру словами "Осталось совсем недалеко, дорогая сестрица. Хочешь я помогу тебе нести твою корзину?" Так девушки добрались до города Карасу Базар, где были самые богатые рынки во всем Крыму.

Пройдя в ряды золотошвеек, девушки разложили свой товар, и очень скоро он был весь продан. Девушки выручили целых десять серебрянных монет (он кумуш) за свой труд бесонными ночами.

Пора было собираться в обратную дорогу, только Джарыз стала упрямыться и требовать, чтобы перед уходом девушки осмотрели все товары на рынке. Проходя от лавки к лавке, девушки мечтали, что когда-то у них будет достаточно монет, чтобы купить все, что пожелается. Джарыз уверяла некоторых продавщиц, что скоро вернется за полюбившейся феской, туфельками или кушаком, вот только выйдет замуж за богача. Продавщицы охали в ответ и улыбались. Джанлы скромно молчала, даже если ей по вкусу пришлись и феска и кушак, которые выбрала ее сестрица.

Когда все лавки были осмотрены, девушки направились к выходу. У ворот на рынок стоял пожилой седовласый человек. Он был чем-то очень расстроен, что сразу заметила добрая Джанлы. Она подошла к человеку,

не смотря на то, что Джарыз тянула ее за рукав, пытаясь остановить от разговора с незнакомцем.

- Что с Вами случилось, агъа? - спросила Джанлы.

- Ох, балам, - запричитал пожилой человек, - беда случилась со мной. Мошенники обманули меня и забрали все мои деньги, вырученные от продажи саженцев. Что же я принесу домой своей семье?

Джанлы , не раздумывая, развязала платок с десятью серебрянными монетами и протянула старику. Джарыз не успела даже ахнуть!

- Агъа, возьмите вот эти деньги, сказала Джанлы, - я и моя сестрица заработали их своим трудом. Мы еще заработаем, будем шить и вышивать день и ночь. Так что не переживайте, примите эту помощь.

Старик был поражен добротой девушки. А вредная сестрица уже налилась красной краской, готовая закричать и на сестру и на старика. Но тут пожилой человек потянулся к мешку и достал из него два саженца.

- Добрые девушки, вот все, что у меня есть. Я не могу просто так принять вашу помощь. Только если вы примете от меня эти саженцы и посадите их у себя в саду. Растите их с любовью и вы будете очень довольны плодами своего труда. - сказал старик и пригласил жестом принять его дар.

Джарыз бросилась к саженцам. Сначала она схватила кустику густо усыпанный листочками. Но стебли оказались с шипами. И тогда она взяла второй саженец - без шипов. А Джанлы достался колючий. Поблагодарив старика, девушки пошли в родное село. По дороге Джанлы кололась об шипы и звонко смеялась, а Джарыз повторяла "Это тебе в наказание за то, что ты слишком добрая и отдала все наши деньги за эти дурацкие саженцы!"

Сестры посадили два куста у себя в саду. Джанлы поливала свой куст обильно, принося полный кувшин воды с родника каждый день. А Джарыз ленилась, не доносила воду, так что ее кустику доставалось всего половина кувшина воды.

Прошло два года. И вот весной оба куста зацвели. Вскоре из завязи появились зеленые ягоды. На колючем кусте были ягоды малины. А на

кусте без шипов - ягоды кизила. Малина быстро поспевала под жарким летним солнышком, и вскоре Джанлы угощала сестру и всех соседей спелыми ягодами. Джарыз радовалась, что ее ягоды не поспевают так быстро и не нужно ни с кем делиться.

Осенью наконец стал поспевать и кизил. Джарыз строго следила, чтоб ни одна ягодка не досталась никому. Когда же наконец ягоды налились соком, она впервые сорвала одну и с удовольствием положила ее в рот. Какое же удивление было, когда вместо сладости, рот наполнился кислотой с вяжущей горчинкой. "Ах ты, противный старик, - закричала Джарыз, - ты обещал, что ягоды будут сладкими, а что в итоге у меня выросло?"

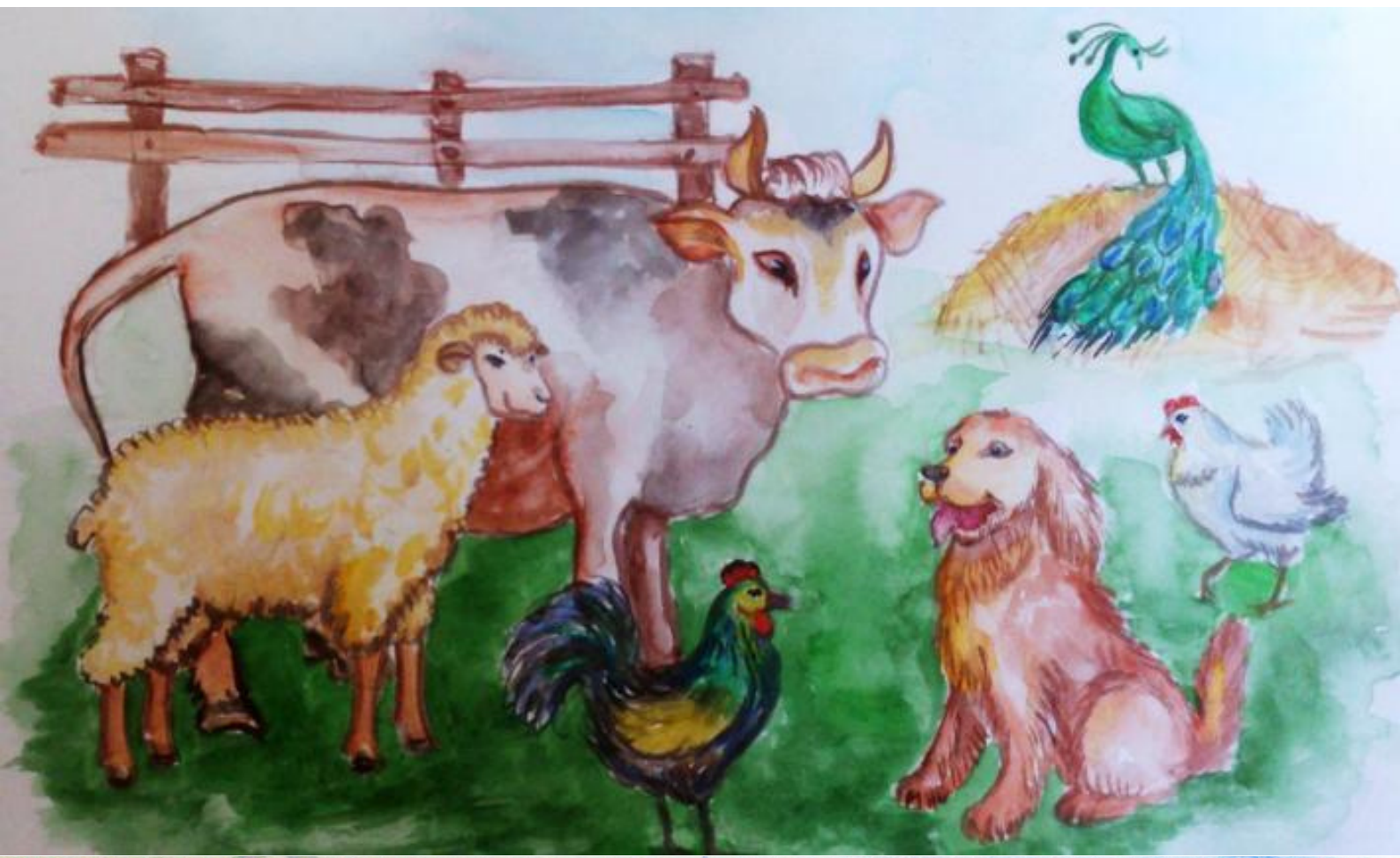
Джанлы пыталась успокоить расстроенную сестру. Она собрала ягоды, промыла их, сварила сахарный сироп и опустила в него кизил. Вскоре необыкновенный аромат наполнил дом сироток. Когда сироп стал темно красным, а ягоды набухли, напившись сладкой массой, девушки попробовали, что получилось и остались так довольны вкусом, что даже вредина Джарыз засияла доброй улыбкой. Прошло немного времени, и никто в селе уже не мог нарадоваться на Джарыз - девушка очень изменилась, стала общительной и веселой. Неужели кизиловое варенье оказалось волшебным?

Слава о новом угощении сестер-сирот разнеслась по округе. Прослышал о нем и юноша по имени Селим из дальнего села, по другую сторону от Карасу Базара. На одном из празднеств, где Джанлы и Джарыз угощали всех кызылчик татлысы, Селим был поражен красотой и приятными манерами Джарыз.

Однажды в пятницу, после Джума-намаза, к сироткам постучали сваты. Когда Джанлы и Джарыз открыли двери гостям, то ахнули от изумления - одним из гостей был отец влюбленного юноши, и это был тот самый старик, который подарил им саженцы. Как же они обрадовались встрече, поцеловали руку старику в знак уважения и усадили на самое почетное место в доме. Девушки рассказали как благодаря кусту кизила они поняли, что если не отчаиваться, то можно преодолеть любые трудности. И тогда кислинка превратится в сладость.

Джарыз и Селим вскоре поженились и стали жить в дальнем селе за Карасу Базаром. А еще через год уже играли свадьбу Джанлы. Девушки получили все, о чем мечтали.

Давайте и мы никогда не будем отчаиваться, и будем твердо знать, что любые препятствия можно пройти, если помыслы наши чисты и добры. И будем мечтать о самой лучшей судьбе для нашей Родины Крым, для его замечательного народа, и тогда Ин Ша Аллах все это исполнится.

Рессам Зарема Джемилева

Къопай тавускъуш

Къадимий заманларда Къырым ханнынъ Али адлы авджысы бар экен. Али яй ве ханджерни усталыкънен къулангъаны, мергин окъчу олгъаны ичюн оны эр кес севген, урьмет эткен. Авджы эр кунъ хан софрасына тазе эт кетирген, авында къулангъан шайн ве копеклерни етиштирип, бакъкъан. Йыллар кечкен, авджы къартайгъан ве мераметли хан онъа озъ миннетдарлыгъыны бильдирип, оны раатлыккъа ёллагъан. Омюр бою авджынынъ аилесинде бала олмагъан, апай-акъай бири-бирине сырдаш олып, яшагъанлар. Авджы-Али ханнынъ бахшышларыны алып, эвининъ азбарына бир сыгъыр, бир къач къой ве атик хоразнен эки-учъ тавукъ тутмагъа къарар берген. Къартлар жанлы мулклерине даима мераметнен янашкъанлар, сыджакъ ер темин эткен, къарынларыны токъ туткъанлар. Къаршылыкъ оларакъ сыгъырдан бол сют, къойлардан эт ве юн, тавукълардан исе йымырта алгъанлар. Эльде эткен бол берекетлерине къувангъан къартлар Аллахкъа даима шукюр кетиргенлер.

Кунълернинъ биринде авджы-къарт белини язмакъ ичюн эски зенаатыны хатырламагъа истеген. Янына садыкъ копегини, яйнен окъуны алып, акъшам емегине ав кетирме ниетинен дагъгъа чыкъып кеткен. Авджынынъ копеги де авгъа бараджагъы ичюн пек эеджалангъан: дагъ къокъусыны дуйып тереклер арасында ойнакъламагъа, ёлундаки эр бир отчыкъ, япрачыкънынъ къокъусыны алмагъа ве авнен корюшювини сабырсызлыккънен беклеген. Бир къач дакъикъа кечкен сонъ узакъ олмагъан дереден къокъуларны алып, копек бир ерде къатып къалгъан. Копеги артындан етишкен къарт, садыкъ достунынъ бакъкъан тарафыны сезип, яваштан деренинъ кенарына якъынлашмагъа башлагъан. Деренинъ тюбюнде авджы-Али этрафыны чакъаллар саргъан балабан тавускъушнынъ яткъаныны корьген. Къуш къоркъусындан жансызлангъан, сесини биле чыкъарамагъан. Чакъаларнынъ бири онъа атыладжакъта, къарт копек чакъалнынъ устюне уджюм этип, къушнынъ жаныны къуртаргъан. Апансыздан пейда олгъан копектен къоркъкъан хайын айванлар бирден тараф-тараф дагъылгъан, шашмалагъан къуш исе бир янына тюшип, эсини джойгъан. Къушнынъ янына етишкен авджы аягъында нишан-юзюги олгъаныны корьген. Бу нишан къушнынъ хангъа аит олгъаныны косътергичи экен. Къарт авджы тавускъушны ав чувалына къойып, копегинен берабер

къачкъан къушны саибине къайтармагъа кеткенлер. Хан сарайынынъ бакъыджысы къушнынъ насыл алда олгъаныны коререк, башыны саллап, авджы къушны озюне алмасыны тенбиелеген: «Тавускъуш чакъалларнен корюшув нетиджесинде олюм къоркъусундан озюне кельмез ве, артыкъ, озюнинъ ренкли къанатларынен хан азбарыны яраштырып оламаз».

Авджынынъ омюрдеши яры олю къушны соймагъа разы олмагъан, этинден акъшамлыкъ азырламагъа истемеген. Авджы-Алиге тавускъушны куместе къапамасыны риджа эткен. Къарт кумеснинъ янъы сакини ичюн кошеде бир ер япкъан, йымшакъ олсун дие тобан тёшеген, энъ яхшы емден кетирген, огюне темиз сув къойгъан. Бираздан тавускъуш козьлерини ачып, емден чёплеген. Кунъ-кунъден къартларнынъ мерамети, дикъкъаты ве яхшы бакъымы нетиджесинде тавускъуш джанлангъан, устюндеки къанатлар дюльбер ренклернен ойнамагъа башлагъан. Къартлар янъы къушына пек къувангъанлар.

Эв айванлары кумеснинъ янъы сакиине ве къартлар тавускъушкъа айры дикъкъатнен бакъкъанларыны меракънен козеткенлер.

«Эр алда бу къуш ханлар сулялесинден, онынъ юзюгине бакъынъыз!», – деп тавукълар къыдакълагъан.

«Шубееееесиз!» – деп, къойлар манърагъан.

Къарт копек бойле лакъырдыларны эшитип, сессиздже кулюмсиреген. Кунълернинъ биринде сыгъыр азбар сакинлерине янъы къомшуларыны танытсын дие копекке риджа эткен. Хусусий шахысларнен танышув насыл олса, бу да ойле олсун, деп истеген. Копек бойле титизликни бегенмейип, «Тавускъуш биз киби бириси, бу къадар тантана неге керек?!», деп ырылдагъан. Даа бираз мырылданып, копек азбардаки айванларны чагъыргъан ве эр кеске чакъаллардан къуртарылгъан къушны такъдим эткен. Амма тавускъуш сыгъыр ве копек арасында олып кечкен субетни эшитип, даргъынлыкъны гизлеген.

Хан азбарынынъ къачагъына сыгъыр, къой ве тавукъларнынъ сайгъы ве мемнюн этме истеклери хош кельген. Тавускъушнынъ янъы къомшулары агъызларыны ачып, айретленсинлер ве даа да чокъ хызмет этмеге азыр олсунлар деп, о, озюнинъ пек дюльбер къуйругъыны ачмагъа пек севе экен. Чокъ кечмеден, эр акъшам тавускъушы

тарафындан уйдырылгъан ханлар яшайышы акъкъында икяелер бир анъанеге чевирильген. Копектен гъайры бу икяелерге эписи инангъан.

Копек узакътан бакъып, якъын вакъытта бу лафлардан эр кес безер деп, тюшюнген. Амма о янъылгъан. Джильвели тавускъушнен мефтюнлик ич кечмеген. Къуш исе копекке къаршы кин туткъан, интикъамыны насыл аладжагъына план къургъан. Куньлернинъ биринде, акъшам емегинден сонъ, адет олгъан хан сарай аяты акъкъында икяе ерине тавускъушы бойле сёзге башлагъан:

– Ханлар къаны манъа ляйыкъ олгъан онъайтлылыкъ ве сайгъыны темин эте. Бу – аят къануны, иште. Мен сизге бакъып, сиз сойсуз олгъаныны коръсем де, амма къартларгъа энъ яхшы шейлерни бересинъиз. Сыгъыр ве тавукълар оларны ашата, къойлар сыджакъ урбанен темин эте. Ве бунынъ ичюн мукафат оларакъ сиз насыл къаршылыкъ аласынъыз? Бу начар ахырда айры турма ери ве тешик дам алтында къозлама ерими? Артыкъ, сиз къыйметинъизни бильгенинъизни ве бойле мунасебетке даянмайджагъынъызны косьтермеге керексинъиз!

Копек бу нутукъны сессиздже динълеген. Азбар сакинлери къартларны пек севгенлери ичюн яланджы тавускъушнынъ сёзлерине ич бир вакъыт инанмазлар деп, тюшюнген. Амма шу арада сыгъыр лафкъа башлагъан:

– Сен не къадар акълысынъ, баш таджым тавускъуш! Мени даима чибинлер тишлейлер. Амма мен сют берген вакъытта бир шейнен саллап, устюмдеки бу усандырыджы боджеклерни къуваламагъа ич кимсенинъ акъылына кельмей! Бу да азлыкъ эткени киби, саибемиз мени сагъгъанда, эгер мен къуйругъымы салласам, ачувлана. Бундан себеп мен тишлемелерге даянмакъ керегим.

Тавукълар да къыдакъламагъа башлагъан:

– Къыд-къыдакъ, къыд-къыдакъ, догъру, догъру, биз де бостанда озюмиз аш тапмагъа меджбур олгъанымыздан мемнюн дегильмиз. Саиплеримиз энъ яхшы богъдай данелерини огюмизге сепсе, я да боджеклер тутып кетирселер, олмазмы?!

Къойлар да манърагъан:

– Эбееееет, бизлерни тикенлер олгъан байырларгъа айдайлар, сонъра исе юнлеримизден о тикенлерни кимсе чыкъармай, кимсе оларны тарамай. Амма юнлеримизни къыркъкъан сонъ, озьлерине урба орьмезден эвель, бутюн тикенлерни чыкъаралар, юнни ойле тарайлар ки, эр бир саччыгъы йипек киби йылтырай.

Копек къулакъларына инанмагъан:

– Сыгъыр, тавукълар, къойлар, сиз не айтасынъыз? Сиз бу къартлардан корьген бакъым ве къайгъырувны даа бир ерде корьдинъизми? Сизни ашаталар, ичирелер, пек яхшы бакълар. Сувукълар кельгенинен яткъан еринъизни ысыталар. Сыгъыр, сени энъ тазе ве оту сувлу олгъан чайыргъа алып кетелер. Къойлар, я сизге къарт байырларнынъ энъ кунешли тарафында оськен ёнджаны топлай. Тавукълар, сизге де айып олсун, ашта ич бир сынъыр ёкъ, сиз озюнъиз даима куместен къачасынъыз. Бундан себеп саибемиз сизге бостанында кезмеге изин бере, етер ки, сиз мемнюн олунъыз!

Тавускъуш бу къавгъаны козьлерини яры къапатып, козеткен. Сонъра исе озь сёзюни айткъан:

– Азиз къомшуларым ве меним хан шахысымнынъ мухлислери, бу къарт копекни динълеменъиз. О даима къартларнынъ тарафыны тутаджакъ, чюнки къартлар сизни дегиль, ону даа да яхшы бакълар. Онъа емек кесеклери бирден саиплер софрасындан келе! Амма о чокътан озь вазифелерни беджермей, авгъа чыкъмай, саибине ярдым этмей. Бу тембель сизни къаравуллай деп, косьтериш япа. Сизинъ исе онынъ къаравуллагъанына ихтияджынъыз биле ёкъ!

Башта копекнинъ сёзлеринден тынчлангъан азбар сакинлери, тавускъушнынъ лафларындан джесарет алып, эр бири озь дердини акъытмагъа башлагъан. Нетиджеде, азбарда копек баш олмагъаны ве онынъ сёзюни динълемеге керек олмагъанынынъ къарарына кельгенлер. Къутургъан сыгъырны, тавукъ ве къойларны копек не къадар тынчатмагъа тырышса да, оны кимсе динълемеген ве эписи озь дердини анълатып, оны ахырдан къувалагъанлар. Артындан да, артыкъ, копекнинъ эмирлерине кимсе итаат этмейджегини, оларнынъ башы тавускъуш оладжакъыны ве эписи онынъ насиатларны динълейджеклерини илян эткенлер.

Невбеттеки кунъ, къарт саибе сют сагъмагъа кельгенде, сыгъыр токътамадан къуйрукъны саллап, чибинлерни къувалагъан, мунъреген, мемнюниетсизлигини косътерген. Къарт къадын севимли сыгъырына не олгъаныны ойле де анъламагъан. О, онъа тазе от кетирген, толгъун янбашларыны сыйпагъан, амма сыгъыр тынчланмагъан. Сыгъырнынъ сесли мунъремесини эшиткен къарт авджы да ахыргъа кельген. Айван бир де бир шейнен мемнюн олмагъаныны анълап, о, пытачыкъ алып, сыгъырны тишлеген чибинлерни къуваламагъа башлагъан. Тек о заман сыгъыр тынчлангъан, къарт къадын исе айваныны сагъып олгъан. «Демек ки, энди эр вакъыт пытачыкъ алып, сыгъырымыз янында турмакъ керек оладжакъ, я да сютни коремемиз», - деп къарар алгъан къартлар. Акъшам ахырнынъ бутюн сакинлери сыгъырнынъ мувафакъieti шерефине байрам япкъан ве тавускъушнынъ икметини макътагъанлар.

Бир кунъ сонъ къартий кумес къапыларыны ачып, тавукъларны бостангъа отлатмагъа йибермеге истеген. Амма ич бир тавукъ еринден къыбырдамагъан, эписи отургъаны киби отургъан. Къартий къасеветленип: «Вай, бизим къушчыкъларымызгъа не олгъан экен? Лезетли къонъуз, боджеклернинъ артындан да чапкъалап оламайлар, хаста олмагъанлар экенми?» – деген. Къадын тавукъларнынъ сувларыны денъиштирген, энъ яхшы богъдайдан кетирген, тавукълар богъдайны чёплемеге башлагъан сонъ, бираз тынчлангъан. Авджы тавукълар назлы ве сайлап отургъанларны огренген сонъ, пек те къуванмагъан, амма чаре ёкъ, не япаджагъыны шашыргъан. Азбар сакинлери исе кене тавускъушнен бирликте янъы гъалебе къазангъанлары себебинден байрам япкъанлар.

Къартлар сыгъыр ве тавукъларгъа даа да чокъ дикъкъат эткенлерини, оларны даа да чокъ къайгъыргъанларны корьген къойлар да, саиплерине озъ табиатыны косътермеге къарар алгъанлар. Авджы къойларны байырларгъа отлатмагъа чыкъаргъанда, къойлардан бириси оны кучюк бойнузларынен ойле тюрткен ки, тап къарт адам эркмен чалысына йыкъылып, устюни тырнагъан. Башкъа сефер къойларны байырларгъа чыкъармагъанлар ве къарт авджы байырлардан ёнджа топлап, оны къойларгъа ахыргъа кетирмеге меджбур къалгъан. Бойледже, къойлар озълери ичюн янъы имтиязлар къазангъан.

Азбар сакинлери оларгъа тавускъушы тариф эткен омюрни яшамагъа башлагъан. Эписи пек къувангъан, амма гъарип саиплер

оларнынъ бутюн истеклерини ерине кетиргенлери ичюн алсыз, кучьсиз къалгъанларыны кимсе корьмеген. Къартларнынъ козьлеринде къуванч эксильген, агъыр нефес алувлары чокълашкъан. Копек кедернен бу вазиетни эп козеткен, амма къопай, кибирли тавускъушны насыл этип тындырмакъны ве къарт авджынен-апайына насыл ярдым этмекни бильмеген.

Бираздан кузь кельген. Куньлернинъ биринде пек къаранлыкъ гедже олгъан, булутлар бутюн кокни къаплап, ай ярыгъыны озь эсаретине алгъан. Ай нуры ич бир ерде корюнмеген. Бираздан кучьлю сагъанакъ башлагъан. Къарт копек озь къулюбесинде ятып, узакътан кельген чакъалларнынъ улумасыны динълеген. Апансыздан, кокте бир аныге йылдырым корюнип, гъайып олгъан. Амма сезгир копек ахырнынъ диварына кольге яткъаныны корьген. Йылдырым сёнген ве кольге ёкъ олгъан. Бир анъ сонъ ахырда къоркъунч шамата башлагъан – сыгъыр мунъреген, къойлар манърагъан, тавукълар къакъылдап, анда-мында атылгъан. Ахыргъа диварнынъ тюбюнден ёл япып, чакъаллар кирген ве азбар сакинлерини авламагъа башлагъан. Бутюн айванлар тавускъушны ярдымгъа чагъыргъан. Чакалларны корьген тавускъуш исе, ярдым этеджек ерине энъ узакъ кошеге сакъланып, озюни яландан олю косьтерген.

Копек оны ярдымгъа чагъыргъанларны беклемеген ве чакъаллар япкъан ёлдан ахырнынъ ичине кирген. Дагъдан кельген чагъырылмагъан мусафирлер къарт, амма кучьлю копекни корьген сонъ, авны унуткъан, къачыш ёлуны къыдырмагъа башлагъанлар. Копекнинъ афырмасына саиплер де уянып, чапып кельген. Чакъаллар ахырдан къачкъан, копек оларны дагъгъа таба къувалагъан. Къартлар вайвалап, къоркъкъан айванларны тынчландырмагъа тырышкъанлар. Сыгъыр, къой, тавукълар саиплернинъ этрафыны сарып, оларгъа япышкъанлар. Шу арада тавускъушы башыны котерип, телюке ёкъ олгъаныны корьген ве эмин адымларнен сыгъыр, къой ве тавукъларгъа ёнельген. Амма ахырнынъ сакинлери онъа сувукъ ве нахош бакъкъан, тавускъуш сёзюни тутмайып, къоркъакъ сахтеджи олгъандан себеп юзьлерини чевиргенлер. Къарт авджы ве апайы севимли айванларынынъ нахош тюрленювининъ себепчиси тавускъуш олгъаныны анълагъанлар.

Сабасына къарт авджы тавускъушны чувалгъа сарып, оны хан азбарына алып кеткен. Хан сарайынынъ бакъыджысы къуш тири ве пек

яхшы алда олгъанына пек шашкъан. О, къуванчнен оны кери, башкъа тавускъушларнынъ янына алгъан.

Къарт авджынынъ эвинде исе эр шей озъ ерине кельген. Къартлар озъ мал-мулькюне ве азбар сакинлерине къуванып, эвельки аятынен яшамагъа девам эткенлер.

Сыгъыр, къой ве тавукълар исе яхшы бир дерс алгъанлар. Ич бир вакъыт, ич кимсенинъ асылзаде олмасындан, дюльбер корюнишинден ве татлы сёзлеринден мефтюн олмакъ керекмей. Саип олгъан шейлернинъ къыйметини бильмек ве къыйметини бильген исанларгъа миннетдар олмагъа кереклигини анълагъанлар. Мераметке мераметнен джевап бермели. Ренкли ве сюсю дюльберлик ерине ярдымсевер ве джесюр юрекнинъ дюльберлиги даа да хоштыр, ойле дегильми, балалар?!

тавускъуш – павлин

къыдакъламакъ – кудахтатъ

манърамакъ – бляеть

ырылдамакъ – рычать

начар – жалкий

сойсуз – безродный

усандырыджы – назойливый

ёнджа – клевер

имтияз – льготы, преимущества

сезгир – чувствительный

нахош – неприятный

сагъанакъ – проливной дождь, ливень

Чванливый павлин

В стародавние времена служил у крымского хана охотник по имени Али. Он был ловким и очень метким, в совершенстве владел луком и кинжалом, и за свое мастерство был очень уважаем. Ежедневно он доставлял свежую дичь к ханскому столу, а также тренировал соколов и собак для охоты. Когда он состарился, благодарный хан щедро вознаградил Али и отправил его на покой. Старый охотник не имел детей и жил со своей женой. На деньги, полученные от хозяина, Али купил корову, пару овец и курей с бравым петушком. У добрых хозяев скотина жила всегда в тепле и при сырном питании. Корова давала молоко, куры яйца, а овцы шерсть. Старики не могли нарадоваться своему хозяйству.

Однажды старый охотник захотел размять косточки и вспомнить былую удачу. Взяв с собой верного пса и лук со стрелами, старик пошел в лес, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь на ужин. Охотничий пес, не смотря на то, что тоже уже был не молод, почувствовав ароматы леса, резво бежал между деревьями, обнюхивая на пути каждую травинку, каждый листик, в предвкушении встречи с добычей. Через несколько минут пес замер на месте, почувствовав волнующие запахи, доносящиеся из оврага неподалеку. Еле поспевающий за псом старик, заметил куда смотрит его верный друг, и замедлив шаг, стал крадучись подбираться к кромке оврага. На дне Али увидел большую птицу, которую окружали с разных сторон шакалы. Птица замерла от страха и не кричала. Один из шакалов был уже готов наброситься на нее, как на него самого бросился старый пес. Шакалы в миг разбежались в разные стороны, а птица упала на бок, закатив глаза. Подбежавший охотник

увидел, что это был павлин, на лапке которого было колечко, означающее, что он принадлежит хану. Завернув павлина в мешок для добычи, старый охотник и пес пошли к ханскому дворцу, чтоб вернуть сбежавшую птицу хозяину. Когда ханский смотритель покоев увидел в каком состоянии была птица, то покачав головой, сказал охотнику, чтобы тот забрал ее себе: "Павлин не сможет отойти от смертельного шока, полученного от встречи с шакалами, и не сможет вновь украшать своим оперением ханский двор".

Дома жена охотника не посмела заколоть полуживую птицу и приготовить ее на ужин. Она упросила Али позволить павлину жить в курятнике. Али соорудил специальное место в углу курятника для нового обитателя, постелил много соломы, принес лучший корм, налил чистой воды. Вскоре павлин уже открыл глаза и смог поклевать зерна. День проходил за днем, доброта стариков, внимание и уход сделали свое дело - павлин ожил, его оперенье стало отливать красивым светом. Старики не могли нарадоваться новому питомцу.

Домашняя скотина с интересом наблюдала за новым постояльцем, и за тем с каким особенным вниманием относились старики к павлину .

"Наверняка эта птица царских кровей, посмотрите на кольцо!" - кудахтали куры.

"Бееез сомнения" - вторили им овцы.

Старый пес тихо усмехался, слушая такие разговоры. Однажды корова попросила пса представить всех обитателей двора перед новым соседом, как полагается это делать перед важными особами. Псу не

понравилась такая церемонность и он прорычал: “Павлин такой же, как и все мы, к чему такие почести?!”. Побурчав еще немного, пес позвал всех и представил им спасенную от шакалов птицу. Однако павлин услышал разговор между коровой и псом, и затаил обиду.

Беглецу с ханского двора понравилось внимание и угодливость коровы, овец и кур. Он любил распахнуть свой великолепный хвост, чтобы его новые соседи ахали от восхищения и были еще более услужливыми. Вскоре ежевечерней традицией стали рассказы о царской жизни, выдуманные павлином, которым верили все, кроме пса.

Пес наблюдал со стороны и думал, что это вскоре всем надоест. Однако он ошибался. Очарование павлином не проходило, а сам павлин обдумывал план отмщения за нанесенную обиду. Однажды, после ужина вместо привычной истории о жизни при ханском дворе, павлин сказал:

-Царская кровь обеспечивает мне заслуженный комфорт и почитание, таковы законы жизни. Но я смотрю на вас и вижу, что вы хоть и безродные, но отдаете старикам все лучшее. Корова и куры их кормят, а овцы обеспечивают их теплой одеждой. И что вы получаете в награду за это? Это жалкое стойло и насесты под прохудившейся крышей? Пора вам показать, что вы знаете себе цену и не потерпите больше такого отношения к себе!

Пес слушал этот монолог молча, потому что думал, что обитатели двора очень любят стариков и никогда не поверят в слова пустобреха-павлина. Но тут заговорила корова:

-Как же ты прав, венценосный павлин! Меня постоянно жалят мухи. И ведь никто не додумается обмахивать меня от этих назойливых насекомых, пока я даю молоко! Мало того, хозяйка сердится, если я пытаюсь обмахиваться хвостом, когда она меня доит, и я вынуждена терпеть укусы!

Куры тоже закудахтали:

- Да-да-да, и мы тоже недовольны, когда нас заставляют самим искать себе пропитание в огороде, а могли бы просто насыпать зерна отборного или наловить нам жучков!

Овцы проблеяли :

- Бееее, нас гонят на холмы, где растут колючки, а после никто не вынимает их из нашей шерсти, не расчесывает нас. Но зато когда шерсть состригут, то прежде, чем вязать себе одежду, и колючки все вынут, и расчешут пряжу так, что каждый волосок блестит, как шелк.

Пес не верил своим ушам:

- Корова, куры, овцы, что вы такое несете? Лучшего ухода и заботы, чем от стариков, еще не знала никакая домашняя скотина. Вас и кормят, и поят, и лелеят. И в холодное время утепляют ваше жилище. И корову отводят на луг с самой сочной травой. А овцам старик собирает клевер на солнечной стороне холмов. Куры, вам никогда нет отказа в еде, но вы сами все время сбегаете из курятника, поэтому хозяйка дает вам попасть в своем огороде, лишь бы вы были довольны.

Павлин наблюдал за этим спором, прищурив глаза. А потом сказал свое слово:

- Дорогие мои соседи и почитатели моей царской особы, не слушайте старого пса. Он будет всегда на стороне стариков, потому что за ним-то уход лучше, чем за вами. Ему достаются куски еды прямо со стола хозяев! А ведь он давно не при деле, не охотится, не помогает хозяину. Этот бездельник делает вид, что охраняет вас. А вы и не нуждаетесь в его охране!

Поначалу присмирившие от слов пса домашние обитатели, снова воспряли от слов павлина и стали кричать каждый о своем и в конце концов решили, что пес вообще не главный в этом дворе и его слушаться не нужно. Как ни старался пес переубедить разбушевавшихся корову, курей и овец, он был изгнан из хлева с криками, что никто больше не будет подчиняться приказам пса, и что павлин будет повелевать ими и давать им советы.

На следующий день, когда старушка пришла надоить молока, корова стала неистово обмахивать себя хвостом от мух, мычать и показывать всем видом свое недовольство. Хозяйка никак не могла понять, что случилось с ее любимицей. Она принесла ей свежую траву, погладила ее по упитанным бокам, но корова не успокаивалась. На громкое мычание подошел и старый охотник. Поняв, что животное чем-то недовольно, он взял веточку и стал отгонять мух, жалящих корову. И тогда мычание прекратилось, а старушка смогла надоить молока. "Видимо придется теперь всегда стоять рядом с нашей кормилицей с опахалом, иначе не видать нам молока" - решили старики. Все обитатели

хлева вечером праздновали успех коровы и восхваляли мудрость павлина.

Еще через день старушка открыла двери курятника, чтобы выпустить кур попасть в огороде, но ни одна курица не шевельнулась и продолжала сидеть на насесте. Хозяйка запричитала: "Да что же это такое с нашими птичками, даже не могут побегать за вкусными жучками, уж не заболели ли они?". Она поменяла воду в поилках, принесла отборного зерна, и когда куры стали его клевать, успокоилась. Охотник был не очень рад новости, что куры стали такими капризными и переборчивыми, но деваться старикам было некуда. А обитатели двора вместе с павлином праздновали новую победу.

Овцы, увидев, что и корова и куры теперь получают больше заботы и внимания, тоже решили показать свой нрав хозяевам. Когда охотник повел овечек пастись на холмы, одна овца боднула его своими маленькими рожками так, что он упал на репейник и поцарапался. В следующий раз овец уже не повели пастись на холмы, а старый охотник был вынужден рвать клевер и нести его овцам в хлев. Так и овцы добились себе новых привилегий.

Обитатели двора зажили той жизнью, о которой им говорил павлин. Все были рады, но не замечали, как бедные хозяева выбивались из сил, выполняя все их прихоти. Все меньше радости было в глазах стариков, все больше тяжелых вздохов. Пес с тоской наблюдал за этим и не знал, как же утихомирить чванливого и заносчивого павлина, и помочь старому охотнику и его жене.

Наступила осень. Однажды выдалась очень темная ночь, тучи заволокли небо, и свет луны практически не пробивался через них. Вскоре начался ливень. Старый пес лежал в будке и слушал вой шакалов

вдалеке. Тут мелькнула молния, и пес увидел, как какая-то тень легла на стену хлева. Молния погасла, и тень пропала. Еще через миг в хлеву поднялся страшный шум - корова мычала, овцы блеяли, куры метались, кудахтая. Все животные призывали павлина спасти их от шакалов, которые прорыли ход под стеной хлева и теперь охотились на домашних обитателей. Сам павлин, увидев шакалов, забился в дальний угол и притворился мертвым.

Пес не стал дожидаться, когда его позовут на помощь, и пробрался в хлев по норе, вырытой шакалами. Когда незваные гости из леса увидели старого, но все еще сильного, пса, то они забыли про охоту и стали искать выход для побега. На лай пса проснулись и прибежали хозяева. Шакалы выбежали из хлева, а пес погнался за ними, отгоняя их дальше к лесу. Старики, охая, пытались успокоить испуганных животных. Корова, овцы, куры окружили их и стали к ним ластиться. Тут поднял голову павлин и увидел, что он уже в безопасности. Бравым шагом он подошел к корове, овцам и курам. Но его встретил холодный и недовольный взгляд всех обитателей хлева - павлин не защитил их, как обещал! Старый охотник и его жена поняли, что павлин и есть причина тех неприятных изменений, которые произошли с их любимцами.

На следующее утро старый охотник завернул павлина в мешок и отнес его в ханский дворец. Смотритель ханских покоев был удивлен, что птица еще жива и находится в таком хорошем состоянии. И радостно принял ее обратно к другим павлинам.

А в доме старого охотника все встало на свои места. Старики стали жить-поживать своей привычной жизнью, радуясь своему хозяйству и домашним обитателям.

Корова, овцы и куры получили хороший урок - никогда не нужно очаровываться знатным происхождением, красивым видом и сладкими речами. Нужно ценить то, что имеешь и быть благодарным тем, кто ценит тебя. Нужно отвечать добром на добро. Как ни красив павлиний хвост, но настоящая дружба, взаимовыручка и доброе сердце всегда красивее!

